Моя «вторая древнейшая профессия»

(глава из «Прощальных мемуаров советского журналиста»
Ионы Андронова)

«В Нью-Йорке владелец газеты «Дейли Глоб» Джон Браун Ходжмен заявил его сотрудникам:

– Для моей газеты не трудитесь нанимать выдающихся писателей. Они неспособны писать для газеты. Мне нужны такие, которые пишут для сегодняшнего дня и забывают завтра все, что написали сегодня. Мне нужны профессионалы. Газетное дело не искусство, а ремесло. Это профессия почти столь же древняя, как… словом, это вторая древнейшая профессия».

[Robert Sylvester. The second oldest profession. New York. 1949]

-- * --

В московской «Литературной газете» я проработал 12 лет в те советские 70-е и 80-е годы, когда эта газета была очень популярна у нас среди интеллигенции и имела тираж шесть с половиной миллионов экземпляров еженедельно.

Однажды весной 1976 года позвонил мне домой зам главного редактора «Литгазеты» Виталий Александрович Сырокомский и пригласил посетить его для делового разговора.

Он был тогда фактически повседневным управленцем редакции газеты, формировал содержание каждого ее выпуска, нанимал сотрудников и увольнял ненужных ему. Подчинялся только главреду Александру Борисовичу Чаковскому и политнадзирателям за прессой в ЦК КПСС.

Полновластный хозяин «Литгазеты» писатель Чаковский превратил ее по заказу наивысших вождей компартии в некое подобие котла для подконтрольных выхлопов пара общественного недовольства разными социальными бедами и самодурством чиновников. Но их критиковать разрешалось не выше ранга заместителя министра и никогда – компартийного босса.

Сам же Чаковский был членом ЦК КПСС, депутатом Верховного Совета СССР, Героем социалистического труда, многократным орденоносцем, лауреатом Сталинской, Ленинской и прочих государственных премий, одним из предводителей Союза писателей СССР.

Поэтому тандему Чаковского и Сырокомского доверили свыше инсценировать в их газете как бы советский народный Гайд-парк. Отсюда и супертираж «Литгазеты».

Чаковский (слева) и Сырокомский. Их редакционные прозвища – Чак и Сыр.

Редакция «Литгазеты» размещалась на Цветном бульваре в старой кирпичной шестиэтажке, где прежде в добольшевистской Москве был большой бордель. Там с тех времен почти все кабинетики газетчиков остались малоразмерными и узкими настолько, чтобы вместить в прошлом только кровать проститутки, тумбочку и стул. Лишь кабинеты Чака и Сыра на четвертом этаже были просторными после переделки.

Полнотелый Сырокомский важно восседал за массивным столом, заваленным свежими газетными полосами из типографии на нижних этажах. Я сел напротив него на стул. Он сказал:

– Предлагаю вам перейти на работу в нашу газету из вашего «Нового времени».

Предложение не оказалось неожиданным для меня. Он ранее уже публиковал в «Литгазете» мои фронтовые репортажи о войне в Лаосе и Камбодже, репортажи из американской Южной Дакоты о вооруженном восстании местных индейцев, репортаж из Нью-Йорка о нападении террористов на советское постпредство при ООН.

А теперь его предложение прозвучало весьма заманчиво: ведь тираж еженедельника «Новое время» по сравнению с «Литгазетой» был малочисленным – 400 тысяч. И я ответил:

– Спасибо за приглашение. Я согласен. Однако мое начальство в «Новом времени» может воспротивиться. Как вы, конечно, знаете, я, собкор «Нового времени» в США, нахожусь в месячном отпуске дома и через три недели улечу обратно в Нью-Йорк. Срочно найти мне замену не успеет мое руководство. Не сможет быстро и получить разрешение сменщику от Выездной комиссии ЦК КПСС на длительную загранкомандировку.

– Будете все равно работать в Америке собкором нашей газеты, – парировал Сырокомский, – и по совместительству некоторое время на «Новое время».

– К сожалению, вряд ли так получится.

– Почему?

– Потому что ЦК установил известный вам порядок: если советский командировочный в капстрану на Западе пробыл там четыре года, как я, то он, вероятно, заразился чуждой идеологией и подлежит возвращению на Родину.

– Вы разве заразились? – усмехнулся Сырокомский.

– Еще нет, – ухмыльнулся и я.

– Ну, раз так, – подытожил он, – то оформление вас нашим собкором в Америке – это не ваша забота. Мы с Чаковским договоримся с ЦКовцами. Идите в отдел кадров. Там вас оформят, как положено.

Я встал со стула, но он промолвил:

– Погодите.

Сырокомский выдвинул ящик его стола и достал оттуда коробчатый планшет черного цвета. Открыл. Внутри лежали в углублениях тонкие проводки и микрофончик. Но две впадины пустовали. Тем не менее я понял, что это – потайной микрофон для звукозаписи разговора с каким-нибудь собеседником без его ведома. Маскируется в одежде.

Сырокомский вручил мне магазинный чек по-английски на 275 долларов и заявил:

– В Нью-Йорке вернете эту вещицу в магазин, а они возвратят уплаченные деньги.

И добавил:

– В счет той выплаты дайте мне столько же наличными до вашего отлета. У вас наверняка есть доллары.

Столь же наверняка Сыр знал, что мне в Нью–Йорке не возвратят ни цента, так как в его шпионофончике отсутствовали наглядно два компонента.

Значит, вымогательство? Нет. Ибо потом на протяжении четырех лет моего с ним сотрудничества он ни разу больше не требовал податей. Лишь единственный раз учудил проверку своеобразной лояльности лично к нему. Как бы проявил некую психастению.

Либо таков был у него ритуал найма зарубежных собкоров? После смерти Сыра в 2006 году вдова Ирина Млечина опубликовала воспоминания о нем, именуя их с мужем почему-то в третьем лице «они»:

«Когда-то в счастливые дни и годы их жизни они дружили с очень многими людьми. Или те «дружили» с ними? Всегда кому–то надо было напечатать рецензию на свою книгу в «ЛГ», «протолкнуть» нужную статью

или даже устроиться корреспондентом «Литературной газеты» в «хорошей», то есть западной стране».

(Леонид Млечин «Пленники прошлого»,
Санкт-Петербург/Москва, 2022)

Считаю, что тогда я дешево раскошелился: в дальнейшем Сыр оберегал мои репортажи из США от халтурной правки рядовыми щелкоперами, от больших купюр, чужих вставок. Это делали иногда злостно. Причину высказал гласно отнюдь не злыдень, а мой давнишний приятель – журналист и политолог Николай Гульбинский:

«Сказать, что Иона Ионович Андронов был звездой советской журналистики, – это не сказать почти ничего. Он был человеком из другой жизни. В то время, когда мы по полгода проходили унылые партийные комиссии, чтобы выехать в какую-нибудь Болгарию, Андронов свободно разъезжал по всему миру, расследовал покушение на Папу Римского, дружил с сотрудниками зарубежных спецслужб и завзятыми антикоммунистами, являлся к директору ФБР, выдавая себя за перебежчика. Многие считали его советским разведчиком, расходились лишь относительно звания. На самом деле в КГБ он никогда не служил».

(Газета «Социалистическая Россия» 11 октября 2001 года)

А вот на ту же тему опус моего бывшего сослуживца в «Литгазете» ныне 83-летнего литературоведа Геннадия Красухина в русскоязычной Википедии, принадлежащей американцам:

«В году 92-м я прочитал в каком-то журнале (кажется, «Век XX и мы») перепечатанное из рассекреченных архивов соглашение между КГБ СССР и «Литературной газетой» об учреждении корреспондентского пункта нашей

газеты в США. От газеты соглашение подписано Чаковским, а от КГБ – полковником И.И. Андроновым. Иона Ионович Андронов отправился нашим корреспондентом в США. У нас его иронически прозвали «Наш Джеймс Бонд». Особенно развернулся Андронов, когда ушел из газеты в народные депутаты России. Там он полюбился своими антиамериканскими выпадами настолько, что у них так называемый президент Руцкой назначил Андронова министром иностранных дел».

(Геннадий Красухин «Комментарий.
Не только литературные нравы». Москва, 2008)

Дурацкое вранье. Во-первых, московский пенсионный фонд может удостоверить, что И.И. Андронов давно получает гражданскую пенсию, а не полковничью госбезопасности.

Во-вторых, корпункт «Литгазеты» в США существовал во главе с известным журналистом Генрихом Боровиком задолго до замены Андроновым.

В-третьих, главред «Литгазеты» Чаковский не нуждался в «соглашении» с каким-то мелкочинным полковником КГБ, так как общался периодически напрямик с председателем КГБ Андроповым, генсеком ЦК КПСС Брежневым, членами Политбюро компартии.

В-четвертых: никто, никогда, нигде не назначал депутата российского парламента Андронова «министром иностранных дел».

И еще: в 2017 году маститый писатель, историк, поэт и ветеран «Литгазеты» Игорь Волгин публично устыдил сплетника Красухина за «ложь и старческий бред» потому, что тот оклеветал Волгина.

Другой экс-коллега Красухина в «ЛГ» Виктор Перельман, эмигрировав в Израиль, рассказал в 1977 году в мемуарной книжке вообще о незаурядных

нравах внутри тогдашней редакции газеты. Об этом рассказал Перельман настолько колоритно и искренне, что процитирую здесь его вместо собственных реминисценций:

«Самая еврейская газета.

Весной 1968 года в моей жизни свершилось чудо. Из малоизвестного ведомственного журнала «Советские профсоюзы» я перешел в «Литературную газету» на должность заведующего отделом информации. Эта газета издавалась на 16 полосах и завоевала симпатии сотен тысяч читателей. По средам, в день ее выхода, многие из них уже с утра караулили «Литературку» у газетных киосков. Казалось, для нее не было запретных тем.

В те дни о «Литгазете» ходило много легенд. Говорили, что зам главного редактора Сырокомский, в прошлом помощник первого секретаря Московского горкома компартии Егорычева, получил от ЦК карт–бланш – принимать в газету любого, кого посчитает нужным. И даже евреев. А я еврей с типичной еврейской фамилией и в общем еврейской судьбой.

Евреем был и главный редактор Чаковский и ответственный секретарь Горбунов (Гиндельман), отдел экономики возглавлял Павел Вельтман (он же Волин), отдел науки – еврей Ривин (он же Михайлов), отделом искусств руководил еврей Галантер (он же Галанов), отдел русской литературы возглавлял еврей Синельников. Я попал в самую умную, самую демократичную и самую еврейскую газету в стране.

Чтобы делать такую газету, разумеется, требовались отборные журналисты. И Сырокомский нашел их. Среди кого? Среди евреев.

«Литературной газете», такой единственной в стране, разрешено было принимать евреев. Ведь не нуждалась, например, в них «Правда». Для того, чтобы писать о том, о чем писала «Правда», не требовалось ни особого ума, ни журналистского таланта. Но еврейский талант и ум требовались для того, чтобы уводить читателя в мир социальных иллюзий. Это была изощренная задача, требовавшая изощренного исполнения. Этим и занимались евреи «Литературки». Ее «Гайд-парк при социализме» оказался прислужником компартийной бюрократии. Это была и моя личная драма, которую я не сразу постиг.

Меня вызвал Сырокомский, посмотрел прощупывающим взглядом и сказал:

– Виктор Борисович, вы коммунист и, я надеюсь, поймете то, что я вам сейчас скажу. Так вот, возьмите лист бумаги и запишите фамилии писателей, чьи произведения не рекомендовано упоминать в газете: Солженицын, Владимов, Сарнов, Войнович, Аксенов, Копелев, Ахмадуллина….

Перечислив фамилий тридцать, Сырокомский произнес:

– Вы понимаете, что это никакой не «черный список», как пытается трубить западная пропаганда. Просто эти лица подписывали письма в защиту арестованных так называемых диссидентов, и компетентные органы решили временно их не упоминать.

…Как-то наши юмористы из газетного «Клуба 12 стульев» устроили в кабинете Чаковского вечеринку и пригласили популярного эстрадного певца Владимира Ножкина. Он был в ударе. В интимном окружении журналистов «Литературки» Ножкин исполнял самиздатовские песни, аккомпанируя себе на гитаре. Пел о «товарище Парамоновой из ВЦСПС», о бесконечно присылаемых сверху начальниках. Один – жулик, другой –

взяточник, третий – просто подлец. После каждого куплета припев – «И нам нового начальника прислали»…

Все смеялись и аплодировали. Чак с Сыром тоже смеялись. Чак – бесшумно, не выпуская изо рта сигару. Сыр – во всю грудь, покатываясь от смеха на стуле. То была правда, горькая и смешная, – не для народа – для них, для узкого круга. Они знали ее и делали все, чтоб она не дошла до читателя.

На других редакционных вечеринках обычно после застолья шли в зал, Чаковский усаживался за рояль и исполнял «Фрейлехс». Он играл, а кругом танцевали, обняв по-еврейски кончиками пальцев лацканы пиджаков, словно в эти минуты хотели забыть обо всем – и о Солженицыне, которого считали гениальным и травили, не прекращая, со страниц «Литгазеты», и о событиях в Чехословакии, которыми восхищались и с тех же страниц предавали анафеме, и о самом Чаке, который сегодня так великолепно исполнял «Фрейлехс», а завтра снова превратится в грозного и неприступного начальника.

…В морозные январские сумерки авиалайнером Москва-Вена я вылетел в 1973 году из Москвы в Израиль. Перед отлетом, когда в последний раз ехал в московском такси, прощаясь с Россией, я впервые ощутил нечто такое, чего раньше никогда не чувствовал. Да, я еврей и уезжаю в Израиль, потому что каждый человек должен жить со своим народом. Все верно, но верно и то, что я навсегда расстаюсь с миром, которому отдана лучшая часть жизни. И, возможно, поэтому мне не безразлично его будущее».

(Виктор Перельман «Покинутая Россия», Тель-Авив, 1977)

За годы моей работы в «Литгазете» не было у меня с ее евреями каких-нибудь конфликтов, стычек, недоразумений на национальной почве. Они меня

не обижали, не притесняли, не дискриминировали. Если кто-то из них, быть может, завидовал многим моим загранвояжам, то молча. Вместе с тем ни разу не позвали меня, «гоя», то есть чужака, станцевать с ними «Фрейлехс». А ведь я бы сумел, наверное, после полстаканчика «Столичной».

Вместо того пришлось мне целую неделю обхаживать моего шефа Сыра (Губермана), когда он в 1977 году прилетел в Нью–Йорк. Сыр не владел английским языком. Я стал для него переводчиком и организатором его интервью с разными политическими деятелями. Однако под конец случилась между нами досадная размолвка.

В трехкомнатном корпункте «ЛГ» моя Валентина попотчевала как-то после полудня Сыра очередным ланчем с виски, а он обратился ко мне:

– Помогите сделать мой репортаж о здешней проституции детьми как обычности американского образа жизни.

– Ничего об этом не знаю, – признался я.

– И почти никто не знает. А вскоре все узнают от меня!

– Каким образом?

– Сперва вы, старожил тут, скажите мне – где на Манхэттене самое злачное местечко по части разврата?

– Полунелегальные притоны сосредоточены в квартале 8-й авеню у перекрестка с 42-й стрит.

– Вот туда завтра нагрянем.

– Зачем?

– Вы установите, в каком притоне обслуживают педофилов. Зайдем туда, и вы скажите их сутенеру, что ваш иностранный родственник – турист желает поиметь мальчика. Пусть покажут его. Потом вы заявите, что он не понравился вашему сородичу. Мы извинимся за отказ от мальца, сполна

расплатимся и уйдем. А я распишу этот американский черный рынок детишек и опубликую в Москве!

– Но без моего участия, Виталий Александрович, – произнес я.

– Вы что, – отказываетесь выполнить мое редакционное задание?

– Вынужден.

– Почему?

Я взял трубку моего телефона модели тех времен, отвинтил нижнюю крышечку, перевернул ее вверх дном и уронил на ладонь «жучок» – микрофон прослушки контрразведкой ФБР (Федерального бюро расследований США).

Вложил «жучок» обратно в телефон, завинтил крышку и пояснил:

– За мной ведется постоянная слежка – электронная и наружная. А я не возражаю. Ведь не занимаюсь шпионажем. Но если их сыскари зафиксируют, что я с вами посетил притон для педофилов, то вам они вряд ли помешают улететь в Москву. А меня смогут шантажировать: объявить здесь в прессе советским педофилом, если до этого я отвергну их агентурную вербовку. Так или иначе, посольство СССР заподозрит меня в позорной аморалке либо даже в измене. Срочно отправят в Москву. И вышвырнут из нашей журналистики.

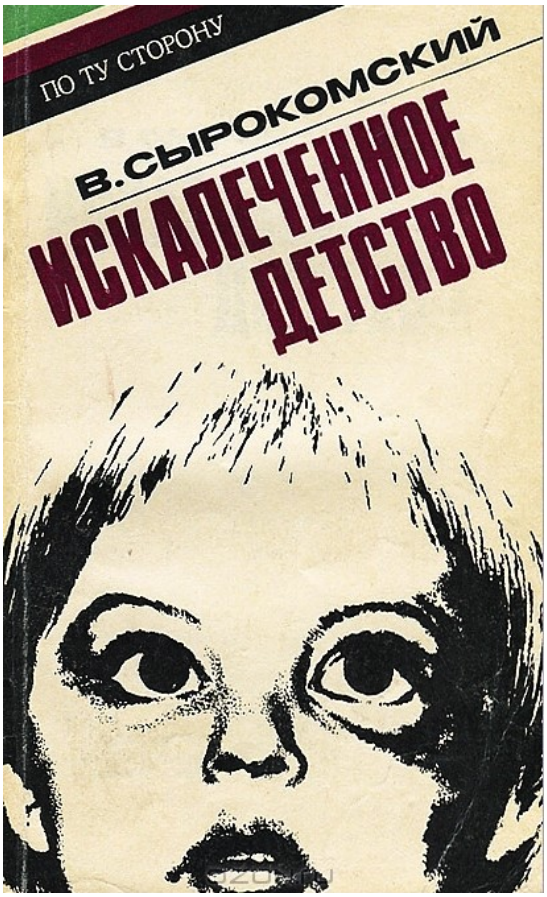
– Вы больны шпиономанией, – осерчал Сыр.

– Ошибаетесь. Кстати, в Москве некоторые иностранные журналисты работают, как и я, в аналогичных условиях слежки и опасности шантажа. Только им могут подложить не мальчика, а весьма аппетитную путану-гэбэшку.

– Ладно, Иона, – проворчал Сыр, – раньше вы не были так трусливы. Учту на будущее…

После его отлета он потом прекратил свою подстраховку моих американских репортажей от произвольного увечья их текстов. Калечили заочно по–всякому. Меня начали подталкивать к уходу из «Литгазеты».

Зато Сыр напечатал в «Литгазете» крупномасштабную статью о том, что в США вроде бы «ежегодно растлевают сотни тысяч детей». Далее этот ужастик увеличил он втрое и в 1978 году издал в виде брошюры тиражом в 50 тысяч под заголовком «По ту сторону. Искалеченное детство».



Сырокомский Виталий Александрович

Взамен отмененного репортажа о педофилах в Нью-Йорке Сыр все же засвидетельствовал персонально:

«Порнопродукция демонстрируется, например, в районе нью-йоркского Таймс-сквер, в закоулках лавочек на Сорок второй улице для зрителей-одиночек с помощью так называемых кинетоскопов. Войдя в кабинку и

опустив в прорезь автомата 25 центов, зритель в течение нескольких десятков секунд может подглядывать, так сказать, в замочную скважину за чужими плотскими утехами. Потом еще 25 центов – и еще порция непристойностей, еще 25 центов, еще, еще…

Его препохабие Капитал за работой!»

Явно полезная информация, по-моему, для тогдашних советских новичков в Нью-Йорке. Однако сам-то Сыр и на похабной 42-й стрит не утратил, конечно, политическую бдительность:

«Растление детей – дело чрезвычайно выгодное в США, вложенные средства возвращаются с головокружительными процентами. Грязный бизнес на детях процветает. По одним данным, он приносит американским дельцам доход примерно в 500 миллионов долларов в год, по другим – уже миллиард. Давно известно: капитал пойдет на любое преступление, если оно сулит высокую прибыль. На детей же, их исковерканные судьбы ему наплевать с высоты банковских небоскребов. Деньги не пахнут!»

Минуло 20 лет, и «его препохабие Капитал», разоблаченный сексуально Сыром в Нью-Йорке, воцарился в нашей многострадальной России. Чему возрадовался постаревший «перестроечник» Сыр на страницах столичного литературного журнала «Знамя» в апреле 2001 года:

«Наступает время трезвого, объективного и разностороннего анализа всего произошедшего с нашей страной и нашим народом в XX веке. Надеюсь, мои заметки явятся скромным вкладом в это важное дело».

Его «скромный вклад» на 32-х журнальных страницах был самохвальной автобиографией Сыра от студенчества в элитном Институте международных отношений до газетного заправилы, включенного внештатно в «номенклатуру ЦК КПСС». Вместе с тем он все же покаялся мемуарно:

«Да, теперь стыдно в этом признаваться, но правды не утаишь. Стыдно за попытки дискредитировать творчество иных отечественных поэтов, прозаиков, критиков, литературоведов. Все это происходило по указке ЦК КПСС и Союза писателей СССР – Маркова, Верченко, Озерова. Они легко «сдавали» диссидентов».

А он, дескать, всего лишь солдат компартии, хоть и «номенклатурный», выполнял беспрекословно приказы командиров. И лично никого не дискредитировал, лишь делал некие «попытки».

Еще один его подобный трюк:

«В газете на 9-й полосе давалась отповедь «диссидентам», прежде всего Солженицыну, Сахарову. Эти язвительные статейки часто принадлежали ловкому перу самого А.Б. Чаковского».

И совсем уж неуклюже он постарался отмежеваться от взаимодействия с жандармами Лубянки:

«Кое-кто из западных кремленологов утверждал не раз, что «Литгазета» – орган КГБ. Да, изредка нам приходилось уступать нажиму оттуда. Да, мы вроде бы были «друзьями». Меня трижды принимал председатель КГБ Андропов. Юрий Владимирович казался интеллигентным и образованным человеком, даже, как выяснилось потом, сочинял стихи.

Своеобразные отношения сложились у меня с генералом Ф.Д. Бобковым, начальником печально известного 5-го управления (его называли анти–интеллигентским – и справедливо!). От него зависели судьбы писателей, журналистов, особенно тех, кто хотел выехать заграницу. У КГБ было сильное оружие: делать человека «невыездным».

Сыр также признался, что начал контактировать с генералитетом КГБ с 1961 года за пять лет до управления редакцией «Литгазеты».

Тем не менее все верховные кураторы Сыра не пожелали как-либо предотвратить молниеносный крах его номенклатурной карьеры 19 мая 1980 года. В тот день, как запомнил Сыр, случилось вот что:

«Вдруг позвонил Чаковский мне на дачу:

– Надо срочно с вами поговорить. Но чтоб без жены.

Был я болен, доковылял до калитки. Чаковский сказал:

– Я от секретаря ЦК по идеологии Зимянина. Вас переводят из газеты на другую работу.

– За что? Почему?

– Зимянин сказал, что вы сами все знаете. Мне ничего не объяснил. Он непреклонен.

В те времена не допускали никакого шумного скандала. Расправлялись с неугодным без всяких объяснений. Чаковский пальцем не пошевелил в защиту человека, везущего вместо него тяжелый редакционный воз. А я за прошедшие 20 лет так и не узнал, за что же расправились со мной в мае рокового для меня и моей семьи 80-го. В советские годы снятие с идеологической работы означало полную катастрофу».

Карьерная катастрофа Сыра надломила его и психически, обессилила надолго мучительной депрессией, многократно зашвыривала на больничную койку. Он был духовно сражен наповал, так как до этого возомнил себя и провозгласил «патриархом российской журналистики». Как говорится, ку-ку! И даже спустя 20 лет Сыр назвал мемуары об изгнании из «Литгазеты» самопафосно – «Загадка патриарха».

Разгадку понадеялся он сперва выспросить непосредственно у покаравшего его ЦКовского вельможи Зимянина. Но тот игнорировал телефонные просьбы Сыра посетить громовержца.

Неугомонный изгой апеллировал затем поочередно к трем крупным аппаратчикам ЦК. Получил идентичные отповеди:

– Сам знаешь, за что наказан. Не спрашивай больше, а то будет еще хуже.

Шесть лет он промаялся сереньким чиновником в разных госучреждениях. Только после смерти трех вождей ЦК – Брежнева, Андропова, Черненко – аппаратчики нового кремлевского «идеолога» Яковлева помиловали Сыра и назначили главредом приложения к газете «Известия» еженедельной «Недели».

Знакомый мне журналист Николай Троицкий в молодости потрудился в «Неделе»:

«Работать я пришел в редакционный отдел литературы и искусства. Главным редактором «Недели» был Виталий Александрович Сырокомский или просто Сыр, как мы его называли. Прежде он был замом главреда «Литературки», попал в скандал и надолго сильно испугался. Что называется, «куста боялся». Трепетал от каждого звонка ему по вертушке. Старик очень пугался. Имелся у него один пунктик. Он был евреем, и отчаянно боялся, что ему пришьют, будто он протаскивает «своих». Поэтому действовало правило: не больше одной еврейской фамилии на номер. Одного беднягу Сыр заставил «сменить национальность». Он был Гольцман, но под его статьей появилась подпись – Гольцев. Кабы чего не вышло».

(Николай Троицкий «Необязательные мемуары», Москва, 2022)

В 1990 году старого перестраховщика окончательно запугали последние свирепые бонзы уже чахлого ЦК КПСС: выгнали Сыра из «Недели» на пенсию всего-навсего за то, что он без спецразрешения Политбюро ЦК напечатал текст общеизвестного доклада Никиты Хрущева на XX съезде компартии 34 года назад.

Сырокомский умер в Центральной клинической больнице в мае 2006 года. Предсмертный диагноз – маниакально-депрессивный психоз.

Похоронен на престижном Троекуровском кладбище. Упокоился все-таки номенклатурно.

Через десять лет после его похорон усыновленный им пасынок – известный нынче публицист–графоман Леонид Млечин – выяснил наконец-то первопричину терзаний отчима.

Оказалось, что бывший начальник Сыра столичный наместник ЦК КПСС Николай Егорычев, попавший в опалу у генсека ЦК Брежнева и сосланный почетно советским послом в маленькую Данию, приехал оттуда в отпуск домой и пригласил в гости прежнего своего помощника, продюсера «Литгазеты»:

«Установленная в квартире Егорычева аппаратура подслушки записала разговор, в котором Сырокомский говорил, что ввод войск в Афганистан – преступление, что Брежнев в маразме и за страну стыдно.

Председатель КГБ Андропов лично прослушал запись разговора, после чего позвонил секретарю ЦК, ведавшему средствами массовой информации, и дал указание убрать смельчака с работы.

Вот почему Сырокомский был изгнан из «Литературной газеты» без объяснения причин. Его «вина» – тайно подслушанный разговор с нарушением закона!»

(Леонид Млечин «Пленники прошлого»,
Санкт-Петербург/Москва, 2022)

Теперь устаревшая прослушка КГБ телефонов и помещений преобразована электронно и сегодня абсолютно всеведущая.

Как стать шпионом и генералом

Вслед за изгнанием Сырокомского из «Литгазеты» ее менторы в ЦК КПСС назначили замом главреда их партаппаратчика Юрия Изюмова. Ему поручили укротить и русифицировать «самую еврейскую газету». А он так переусердствовал, что породил громкий международный скандал.

Изюмов командировал в Италию от «ЛГ» своего русского выдвиженца Олега Битова, а тот сбежал в Англию, потом в США, там опозорил в прессе советскую журналистику, вернулся, как ни странно, все же домой спустя год, оправдывался и врал, врал, врал.

Вместе с ним врал Изюмов на их пресс-конференции в Москве 18 сентября 1984 года. Я был тому свидетелем. Причем их слушатели знали, что оба нахально лгут.

Пресс-конференцию устроили в столичном Агентстве печати Новости, подведомственного КГБ и отделу пропаганды ЦК.

На пресс-конференции в АПН крайний слева – Изюмов, рядом Битов.

Изюмов еще до его начальствования в «ЛГ», будучи десятилетним «помощником по культуре» столичного компартийного владыки и члена Политбюро ЦК Виктора Гришина, оскандалился первоначально в день московских похорон всенародного любимца Владимира Высоцкого. Об этом – друг и театральный наставник Высоцкого, худрук знаменитого Театра на Таганке Юрий Любимов:

«Власти отреагировали на похороны ужасно. От них позвонили мне домой, когда меня не было. Жена сказала, что меня разыскивают от Гришина. Повторно позвонил его помощник Изюмов:

– Виктор Васильевич поручил вам сказать, как все должно быть.

Сообщил, что какой-то мелкий чиновник быстро проведет утром с 10 до 12 гражданскую панихиду в театре и – на кладбище. Я возразил:

– Нет, так хоронить мы не будем.

– Как?

– Вот так. Вы его травили, а хоронить его будем мы, его друзья.

– Нет, вы будете делать, как вам прикажут!

– Нет, не буду делать. Если вы хотите по–своему, вам придется нас физически устранить.

– Так и доложить?

– Так и доложите.

И тогда я позвонил Андропову и сказал:

– Ваши деятели не понимают, кого они хоронят. Может быть новая Ходынка.

Андропов ответил:

– Хорошо, товарищ Любимов. Вы слышите, я пока еще называю вас «товарищ». Придет мой человек и будет вам помогать, чтобы никаких Ходынок не было.

Люди к Володе шли всю ночь. Утром все несли цветы, оберегая их от жары зонтиками. Площадь была запружена народом, люди стояли на крышах домов. Володин портрет был на фасаде театра, на втором этаже. Какие-то молодчики стали выламывать портрет Высоцкого с фасада. И тогда толпа начала скандировать: «Фа-шис-ты! Фа-шис-ты!»

(«Общая газета», 29 января 1988 г.)

В сентябре 1983 года Изюмов отправил в Венецию на международный кинофестиваль газетчика, который не имел никакого отношения к кинематографии. Битов был переводчиком англоязычных литераторов на русский, лишь числился журналистом, в редакции пребывал зачастую подшофе и столь же часто ублажал Изюмова прилюдным подхалимажем. За что и был вознагражден итальянским киноразвлечением.

Кроме того Изюмов поначалу русифицировал «ЛГ» своим молодым новобранцем, тоже подхалимом и пьянчугой – спецкором Алексеем Коробовым, который вскоре, однако, помер от белой горячки.

Другой молодой новобранец Изюмова и доносчик ему Сергей Вашурин был зачислен в международный отдел редакции и шпионил за сослуживцами, в частности и за мною.

Третий новобранец Изюмова молодой литературный критик Андрей Мальгин, гомосексуал, выполнял безропотно негласные задания шефа раскритиковать в «ЛГ» любую заказанную жертву, ибо иначе ему угрожало возмездие тюрьмой на три года в соответствии с уголовным кодексом РСФСР о каре за «мужеложство».

Изюмов председательствовал на пресс-конференции дважды перебежчика Битова 18 сентября 1984 года. Главред «ЛГ» Чаковский не присутствовал явно демонстративно. Он в редакции выбранил Изюмова за скандальную загранкомандировку мелкого прохвоста.

И не миновать бы Изюмову, возможно, участи Сырокомского, если бы не вмешался самовластно главный контрразведчик КГБ генерал Филипп Бобков, он же начальник 5-го Управления КГБ по слежке за творческой интеллигенцией. Ее вольнодумцев Бобков не только репрессировал. Некоторых он вербовал агентурно или превращал в добровольных сообщников, как, например, Аллу Пугачеву, Евгения Евтушенко, Михаила Козакова. А мелкую сошку Битова приказал Бобков помиловать напоказ прочим отбывшим на Запад российским интеллектуалам, чтобы они отважились безбоязненно возвращаться в родные пенаты.

С первого дня появления Битова в Москве 19 августа офицеры Бобкова изолировали его совершенно от всех, включая сотрудников «Литгазеты», и репетировали с ним целый месяц его предстоящие заявления на пресс-конференции.

По словам Битова, через неделю после его прилета на кинофестиваль в Венеции обрушилась внезапно на него кошмарная беда 9 сентября 1983 года:

– В ночное время после кинопросмотров я вошел в небольшой холл возле моей комнаты в отеле «Бьязутти», как вдруг электросвет в холле погас, и в темноте меня шарахнули чем-то увесистым по затылку. После того, как меня стукнули, меня еще и укололи. Очнулся я утром в своем номере на кровати полураздетым. А у моей постели кто-то сидит. Уверенно так сидит, вальяжно. Попивает что-то из моей привезенной из дому кружки. Запомнились первые его слова:

– Доброе утро, Олег Георгиевич. Понимаем, что обошлись с вами несколько резко, но нам очень хотелось с вами побеседовать наедине.

– Кому это – нам?

Он ухмыльнулся:

– Нам – это, как у вас в Союзе говорят, заинтересованным организациям…

Той организацией, обнаружил затем Битов, была английская «Сикрет интеллидженс сервис». Конкретно «МИ-5». Ему опять, как он заявил, продолжали делать уколы психотропными наркотиками. Он был якобы в полузабытьи. Зачем-то увезли его в горные Итальянские Альпы. Оттуда в город Пизу.

– И наконец меня посадили в самолет, где я резко, всего на две-три минуты, пришел в себя. Очнулся, когда сказали: «Welcome to Britain!»

– Через неделю после Венеции поселили меня в отель «Олд Фелбридж» в городке Ист- Гринстид к югу от Лондона. На первом этаже отеля слева и справа от моего номера разместились в двух комнатах полковник контрразведки Джордж Хартленд и пара его приспешников. Они были начеку. Один раз они втроем схватили меня, скрутили, вылили в глотку стакан виски. В виски наверняка было подсыпано какое-то сильное снадобье. Я затих. Забылся.

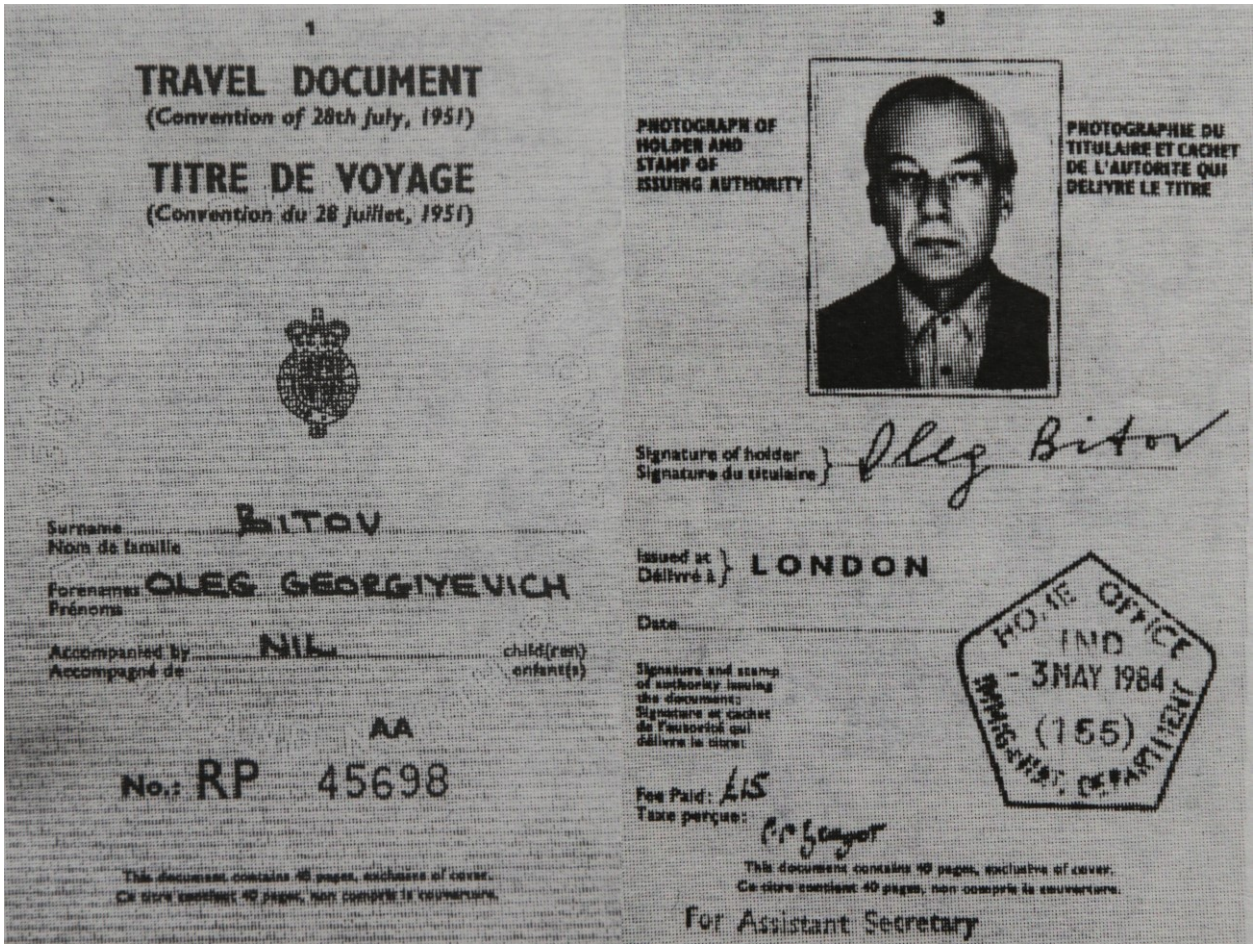
Эту виски-пытку немедленно откомментировали по-русски радиовещатели лондонской Би-би-си:

– Мы все хохотали, когда Битов объявил в Москве, что при вербовке в британской разведке ему насильно вливали в горло виски. Какой же русский не захочет такого насилия над собой? Мы побывали в том отеле «Олд Фелбридж» и обнаружили в журнале регистраций постояльцев собственноручную расписку Битова от 10 сентября 1983 года, а не спустя неделю, когда его, как он лжет, втащили туда полуживого. Днем ранее он сам

обратился к британскому консулу в Венеции с просьбой предоставить ему в Англии политическое убежище.

25 октября 1983 года британское пресс-агентство Рейтер распространило повсюду подписанное Битовым прошение о политическом убежище в Англии. Он объявил, что своим демаршем порицает публично советские власти за приказ 1 сентября сбить южнокорейский авиалайнер, залетевший почему-то на территорию СССР.

Просьбу Битова о политубежище не только удовлетворили, но и вручили ему специальный Travel Document, позволивший посещать все капиталистические страны.


1

TRAVEL DOCUMENT
(Convention of 28th July, 1951)

TITRE DE VOYAGE
(Convention du 28 juillet, 1951)

Surname / Nom de famille: BITOV
Forenames / Prénoms: OLEG GEORGIYEVICH
Accompanied by / Accompagné de: NIL child(ren) / enfant(s)

AA
No.: RP 45698

This document contains 40 pages, exclusive of cover.
Ce titre contient 40 pages, non compris la couverture.

3

PHOTOGRAPH OF HOLDER AND STAMP OF ISSUING AUTHORITY

PHOTOGRAPHIE DU TITULAIRE ET CACHET DE L'AUTORITE QUI DELIVRE LE TITRE

Signature of holder / Signature du titulaire: Oleg Bitov

Issued at / Délivré à: LONDON

Date:

Signature and stamp of authority issuing the document: / Signature et cachet de l'autorité qui délivre le titre:

HOME OFFICE IND - 3 MAY 1984 (155) IMMIGRATION DEPARTMENT

Fee Paid: £15
Taxe perçue:

This document contains 40 pages, exclusive of cover.
Ce titre contient 40 pages, non compris la couverture.

For Assistant Secretary

В дальнейшем Битов самостоятельно съездил во Францию, США, Марокко без британских мучителей стаканами виски. Но нигде не воспользовался помощью советских посольств для отлета домой.

Наоборот, он снова публично огласил в западной прессе свое открытое письмо генсеку ЦК КПСС Константину Черненко с требованием переправить к нему в Лондон брошенных им жену и дочку.

Контрразведчики «МИ-5» допрашивали Битова лишь несколько дней и убедились, что он не засланный в их страну агент КГБ и ничего толком не знает об агентуре КГБ в каких-либо государствах.

Поэтому решили использовать его для антисоветской пропаганды русскоязычным радиовещанием Би-би-си, «Голоса Америки», американской «Свободы», берлинской «Немецкой волны». Ради этого Битову оплачивали житье в отелях, аренду квартир, расходы на транспорт, одежду, продукты, иные бытовые нужды. Плюс гонорары за его публикации по радио и в лондонских газетах.

Те публикации фактически изготовлял нанятый спонсорами Битова сотрудник лондонской газеты «Дейли Телеграф» и ее воскресного номера «Санди Телеграф» Даф Харт-Дэвис. Он через три дня после московской пресс-конференции Битова разоткровенничался в «Санди Телеграф»:

«Дорогой Олег, из всей лжи, которую вы нагородили на вашей недавней пресс-конференции, меня наиболее удивила персонально ваша выдумка о том, что ваши публикации были написаны по принуждению и под диктовку секретных служб. Чушь, Олег! Как вы бы сказали по-русски «Yerunda!» Напоминаю вам как же это было.

Чаще всего мы работали с вами в кабинете моего загородного дома. Там вы говорили подолгу, а я записывал это на магнитофон. Говорили вы беспрестанно до восьми часов в день. В итоге я получил долгочасовые записи ваших многословий. Они не были, увы, очень интересными. Я

редактировал ваши будущие публикации, сокращал их, улучшал всячески, делал читабельными для англоязычных людей. Мое единственное давление на вас сводилось к просьбам рассказывать поинтересней и детально о жизни в России, потому что ваши рассказы были бестолковыми и скучными. Вы были слишком болтливы, когда пьяны».

(«Открытое письмо Дафа Харт-Дэвиса его другу и перебежчику Олегу Битову» 23 сентября 1984 года в «Санди Телеграф»).

В целом Харт-Дэвис состряпал к февралю 1984 года три крупные статьи под общим заголовком «Откровения Олега Битова, русского редактора, бежавшего на Запад». Фейки были напечатаны по-английски в «Санди Телеграф» и транслированы по-русски российским радиослушателям. После чего «откровения» Битова иссякли. И большие гонорары ему тоже иссякли.

Однако он не растерялся. В Лондоне предложил свои услуги шефу европейского бюро популярного в США журнала «Ридерс Дайджест». Пообещал продать сенсационную антисоветчину. Попросил, понятно, выдать ему аванс. Сработало!

В марте Битов прилетел в Нью-Йорк за счет американского журнала и находился там на полном обеспечении редакции «Ридерс Дайджест». Обсудил прожект его новых «откровений» с ведущим сотрудником журнала Джоном Бэрроном, автором американских бестселлеров «КГБ: секретные дела секретных агентов» (1974) и «КГБ сегодня: тайная клешня» (1983).

В Нью-Йорке Битов добился аудиенции у миллиардера Джеймса Голдсмита и обещал ему выступить в поддержку его судебного иска против германского журнала «Шпигель», обвиненного Голдсмитом в «подыгрывании КГБ». Миллиардер ссудил Битову 50 тысяч долларов в качестве аванса и посулил еще больше во время судебного процесса.

Вдобавок Битов заполучил солидный аванс от лондонского издательства Гамильтон за изготовление книги «Истории, которые я не мог рассказать».

Однако на исходе лета 1984 года Битов не смог предоставить его кредиторам ни страницы обещанных текстов. 17 августа он в Лондоне явился в советское посольство, повинился, сказал, что его насильно неотпускали домой англичане и янки, а сейчас он просит сообщить в Москву просьбу переправить его восвояси. Об этом посольство радировало куда следовало шифрограммой.

В ответ генерал Бобков приказал тоже шифрограммой посольскому резиденту КГБ авиадоставить беглеца в Москву. Что и выполнили 19 августа. И через месяц – пресс-конференция в АПН. А еще через пять дней концовка этого скандала изумила неожиданно меня. 24 сентября «Голос Америки» радиоизвестил по-русски:

– Теперь полагают, что бывший коллега Битова полковник КГБ Иона Андронов заманил или заставил Битова вернуться в Москву.

Такими сведениями, добавил вашингтонский радиоголос, располагает лондонская «Санди Телеграф».

Я никогда не был в Англии, но не отреагировал на англо-американский фальшак, так как премьер-министр Великобритании «железная леди» Маргарет Тэтчер заявила 9 октября:

– Нет никаких доказательств того, что русский журналист мистер Олег Битов возвратился в Советский Союз под давлением.

Она отвергла призыв расследовать это происшествие.

(Газета «Гардиан», 10.10.1984).

Вопреки этому парижская «Монд» оповестила 13 октября, что «Битова похитили в Лондоне» и опять изобличила «полковника Иону Андронова, кадрового офицера КГБ, прикрывавшегося статусом корреспондента «Литературной газеты».

Ну, и, конечно, сходу налепили мне полковничьи погоны лютые антисоветчики-эмигранты во Франкфурте-на-Майне и Нью-Йорке – журнал «Посев», газета «Новое русское слово», журнал «Семь дней» во главе с небезызвестным Александром Генисом по кличке Пенис, который поныне телевещает у нас по-русски из Нью-Йорка на американском YouTube.

По сей день и принадлежащая американцам русскоязычная Википедия цитирует брехню обо мне разных антисоветчиков: «Кадровый сотрудник КГБ».

Таким вот образом клеветники стараются до сих пор, как и прежде, убить достоверность моих фактологичных репортажей, заклеймив их дезинформацией российской разведки, недостойной какого-либо опровержения. Заодно опасно, мол, общаться с «полковником КГБ» в роли журналиста, не надо давать ему интервью, избегать вообще любых контактов со шпионом.

На подобную подлянку я однажды среагировал, не стерпел. 16 марта 1986 года газета «Нью-Йорк Таймс» напечатала большую стать о выдворении из США группы советских дипломатов, обвиненных в шпионаже. Их имена не были опубликованы.

Столько же американских дипшпионов выслали в ответ из СССР и тоже безымянно. О такой рокировке спецслужбы обеих стран явно договорились тайно. Тем самым обоюдно изгнанных можно было бы снова использовать в каких-нибудь слаборазвитых странах Африки либо Азии, неспособных проверить прошлую деятельность новых чужеземных гостей. Лишь одно имя огласила «Нью-Йорк Таймс»:

«Контрразведка ФБР продолжает выслеживать подозреваемых шпионов. Об этом сообщил специальный агент-офицер Джеймс М. Фокс, который руководит командой контрразведки, следящей здесь за советскими гражданами. Мишени высшего уровня подвергнуты визуальной и электронной слежке. Агент контрразведки ФБР на хвосте у 48-летнего корреспондента московской «Литературной газеты» Ионы Андронова».

Дабы повидаться с хозяином моего «хвоста» и высказать напрямик возмущение пристежкой меня к «подозреваемым шпионам» я отправился в резиденцию Джеймса Фокса в небоскребе на манхэттенской площади Федерал Плаза.

В холле парадного подъезда я предъявил вооруженным охранникам мое удостоверение журналиста, выданное полицейским департаментом Нью-Йорка. Они потребовали вынуть из карманов все металлическое – ключи, монеты, зажигалку. Провели через воротца детектора. Спросили:

– Куда следуете?

– В приемную ФБР, но не знаю где она.

– 28-й этаж.

На том этаже я, выйдя из лифта, уткнулся в стену из бронированного стекла. За ним сидела сухощавая блондинка неопределенного возраста. Над ее головой висел картонный силуэт стреляющего из пистолета офицера ФБР. А чтобы никто иной не вздумал тут пальнуть, общение с застекленной блондинкой возможно лишь сквозь замысловато изогнутую щель в пуленепробиваемом аквариуме. Сунув в эту прорезь журналистское удостоверение, я произнес:

– Мне надо повидать мистера Джеймса Фокса, начальника спецотдела ФБР по операциям относительно советских представителей в Нью-Йорке.

– Вы репортер?

– Да. Пришел к мистеру Фоксу по делу, касающемуся меня лично.

– Договорились загодя с мистером Фоксом?

– Нет.

– Тогда придется подождать ответа на ваш запрос.

Я предвидел, что ответ будет быстрым. Фокс сочтет, что я, наверное, советский перебежчик.

Спустя пять минут в приемную ФБР вошел молчаливый мужчина, приколол мне пропуск к лацкану пиджака и отвел тремя этажами ниже, где в фойе нас встретил светловолосый щеголь с дорогой сигарой в зубах. На нем был элегантный синеватый костюм, однотонный галстук, белая сорочка. Белесые глаза – осколки льда. Он не назвал своего имени. Я мысленно прозвал его Мафиозо.

Он вместе с моим конвоиром подошел к малоприметной двери, отомкнул замок и приоткрыл ее. Дверь оказалась стальной. Я переступил порог и попал в чрево самого засекреченного подразделения ФБР – отдела по шпионажу за советскими гражданами и устройству против них всевозможных провокаций.

За дверью в коридоре бросился в глаза огромный настенный плакат с изображением мордатого громилы в натянутой до глаз черной шляпе и с намалеванными поперек груди красными серпом и молотом.

Из коридора меня ввели в обширный зал, уставленный железными канцелярскими ящиками, сейфами и письменными столами с телефонами, пишущими машинками, телетайпами, компьютерами и неведомыми мне аппаратами. За столами копошились офицеры с пистолетами в открытых кобурах на поясных ремнях. Некоторые стояли группами и беседовали. Все они, увидев меня, замерли и уставились на беспрецедентного визитера.

Фокс в его соседнем кабинете встретил меня слащавой улыбкой и рукопожатием, усадил ласково на чернокожаный диван и заворковал:

– Отлично, что вы сами пришли. Прекрасно! Мы к вашим услугам. Итак…

Фокс и его анонимный помощник, прозванный мною Мафиозо, буквально млели, глядя на меня, от предвкушаемой поживы.

– Послушайте, мистер Фокс, – сказал я, – ответьте мне: на каком основании вы изобразили меня в «Нью-Йорк Таймс» шпионом? Предъявите улики. Или сознайтесь во лжи.

– За этим вы сюда пришли? – удивился Фокс.

Он и его помощник встревоженно переглянулись. С их физиономий, наигранно добродушных минуту назад, слетели моментально маски. Оба враждебно насупились. Прервав грозную паузу, я заново обратился к Фоксу:

– Приведите хотя бы единственный пример моего якобы шпионажа. Я обещаю, что это будет опубликовано в «Литгазете».

– Где гарантия выполнения вашего обещания? – спросил Фокс.

– Могу сейчас же написать письменную гарантию и вручить вам. Если не сдержу своего обещания, то вы сможете вдвойне обличить меня опять с помощью «Нью-Йорк Таймс». Назовите хоть один факт моего пресловутого шпионажа!

– Да кто дал вам право что-либо выспрашивать у меня? – возмутился Фокс. – Наша работа в ФБР засекречена. За кем именно мы следим, почему, какими способами – это не подлежит огласке.

– Но в моем случае вы все уже рассекретили! Огласили методы слежки за мною – визуальные и электронные. Сообщили, что ваш агент болтается у меня на хвосте. Те, кто вами руководит, часто рассуждают вслух об их заботе

о правах человека. Поэтому у меня есть право спросить вас – за что конкретно вы опорочили меня, журналиста, в здешней прессе?

– Довольно! – разгневался Фокс. – Не бывало еще такого, чтобы советчик вламывался к нам и учинял допрос.

– Вы сами, мистер Фокс, знаете, несомненно, что моя настойчивость имеет веский довод: я никогда не совершал тут ничего недозволенного и потому пришел к вам вынудить вас признать это.

– Пришли самостоятельно? – спросил Фокс. – Не предупредили о визите сюда кого положено в вашей дипмиссии?

– Нет.

– Окей, – смягчился Фокс. – Предлагаю оставить наш разговор в секрете от всех. Можем и впредь так делать. А я обеспечу вам дружеское взаимопонимание. Если, скажем, мой агент вздумает зачем-то проколоть шины вашего автомобиля, то вы мне пожалуетесь, и я накажу того парня. Столковались?

– Не получится. Ваше предложение смахивает на вербовку.

– Лучше бы вам со мной столковаться.

– Нет. Прощайте.

– Напрасно вы так. Ох, напрасно…

Из кабинета Фокса меня отконвоировал его помощник, спустился со мной в лифте на первый этаж, довел до поста охраны и выпроводил на улицу.

Обо всем этом спустя полторы недели «Литгазета» напечатала мой репортаж под заголовком «Как меня сделали шпионом».

Однако я тогда «ох, напрасно», как предрек мистер Фокс, понадеялся, что прекратят меня изображать шпионом, полковником КГБ, похитителем загранперебежчиков.

В июне 1988 года в Нью-Йорке сотрудница ЦРУшной радиостанции «Свобода» и ЦРУшного лже-правозащитного «Дома Свободы» Людмила Торн объявила меня вновь «полковником КГБ» да еще прибавила:

– Андронов, корреспондент «Литературной газеты», сердит на меня потому, что он уже, наверное, не полковник, а генерал КГБ. Он ультранационалист, махровый коммунист, красно-коричневый.

(Freedom Review, New York, June 1993)

И повторно уже в Москве, когда я стал народным депутатом России от русской Владимирской области, ельцинисты-западники в газете «Известия» (29.05.1993) титуловали меня экс-генералом КГБ. С их ярлыком: «Коммунистическая кликуша» (10.12.1992).

Еще смачней выругалась газета «Вечерняя Москва» (20.04.1993): «Депутат Иона Ионович Андронов – самый краснознаменный Иуда Иудович».

Газета «Московская правда» (17.07.1993): «Пресловутый «журналист-международник» Иона Андронов – потнорукий «борец с империализмом» с повадками гебиста, лубянский щелкопер, очкастый нечестивец».

Более сдержанно – справочник «Кто есть кто в России и бывшем СССР» (Издательство «Терра», Москва, 1994): «Андронов Иона Ионович, 1934 – … журналист, ярый противник Ельцина, остался твердокаменным коммунистом, показал себя политическим экстремистом».

Скандалезный таблоид с издевательским названием «Московский комсомолец» (11.07.1992) заподозрил меня в дезертирстве из КГБ в американское ЦРУ: «Прежде для проведения работ по линии КГБ в Нью-Йорке туда рекомендовался именно Иона Андронов. Так как на Земле осталась одна сверхдержава – США, нельзя ли предположить теперь совпадение позиций спецслужб США и позиции депутата Ионы Андронова?»

И наконец самолично бронетанковый погромщик российского парламента Борис Ельцин в мемуарной книге на 14-ти зарубежных языках рассказал какую угрозу он предвидел и предотвратил в октябре 1993 года:

«В случае, если Белый дом останется в руках распущенного парламента, они соберут съезд, видимо, объявят мне импичмент, появится на свет президент Руцкой, и они сформируют свое «правительство», где министром иностранных дел будет фашист Иона Андронов».

(Борис Ельцин «Записки президента» на английском, французском, итальянском, испанском, японском и т.д. языках. 1994).

С тех времен есть в моей трудовой книжке официальная запись (21.09.1993): «Освобожден от работы на постоянной основе в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21.09.1993 г. №1400 без предоставления социальных гарантий».

Таким образом кремлевский путчист «освободил» меня пальбой его танков от парламентского депутатства «без предоставления социальных гарантий» – лишил пенсии, бесплатного медлечения, льгот ветерана труда при оплате жилищно-коммунальных услуг, бесплатного проезда на общественном транспорте для пожилого горожанина. Алкаш из уральской деревни Будка расправился с бывшим ленинградцем, пережившим военный голодомор фашистской блокады.

Впоследствии все же вернули мне, пенсионеру, «социальные гарантии». Однако табуировали навсегда публикацию в московской прессе каких-либо моих статей и репортажей. Только в Интернете партизаню уже 30 лет. Зато без всякой цензуры. Но, увы, и без журналистских гонораров.

Сперва огорчался. А ныне даже горжусь моей редкой уникальностью – абсолютно независимый журналист! Из-за этого распрощался со «второй древнейшей профессией». Напоследок – мемуары.

Получаю, как и раньше, по подписке «Литературную газету», которая сохранила теперь лишь былое название. Сегодня это почти безвестная, политбеззубая, скучнейшая газетёнка с засекреченным мизерным тиражом. Главред «ЛГ» откровенный антисоветчик Замшев Максим… жутковатый Адольфович в интервью с московским журналистом Михаилом Визелем 27 апреля 2022 года сказал:

– Тираж газеты является коммерческой тайной. Не буду называть цифры, тем более что тираж меняется из месяца в месяц.

Солгал. Он постоянно оглашает в газете из месяца в месяц однозначный ложный тираж – 113800.

Все же проговорился:

– Только треть наших расходов мы компенсируем за счет подписки и розницы.

Весьма прозрачно намекнул на тех, кто содержит его газетку и сделал его главредом:

– Понятно, что кандидатура главного редактора такого рода издания не может быть просто откуда-то взята издателями. Прошли определенного рода согласования с людьми, которые в государстве отвечают за прессу.

Поясню за Адольфыча: самый главный в нашем государстве «отвечающий за прессу» – Алексей Алексеевич Громов, первый зам руководителя Администрации президента России, давний и один из наиболее ближайших сподвижников Путина. К нему в кабинет может Громов входить без приглашения. Он наивысший куратор, цензор, закулисный повелитель

ведущих российских средств массовой информации. Примерно, как граф Бенкендорф в пушкинские царские времена.

– Пока руководство мне доверяет, – благоденствует замшевый Замшев, – живет пока газета.

Замшев уже восьмой очередной главред «ЛГ» после принудительной отправки Чаковского на пенсию в ноябре 1988 года новым «идеологом» ЦК Александром Яковлевым. Он заподозрил Чака в саботаже демократной «перестройки» генсека Горбачева, партнера Яковлева.

Они назначили вместо Чака главредом «ЛГ» аппаратчика ЦК Юрия Воронова, но тот сильно захворал, слег надолго в кремлевскую больницу, а единоличным управленцем газеты стал на полтора года его зам Изюмов.

Номенклатурный коммунист Изюмов столь резво «перестроился», что в угоду Яковлеву и Горбачеву договорился с московским представителем американской фирмы «Sun World» (туризм, торговля ширпотребом, рестораны) о совместном издании и распространении в США нового развлекательного таблоида на английском языке «The Literary Gazette International».

Американцы пригласили Изюмова в Вашингтон и солнечный Техас, где, как рассказал он позднее в своих мемуарах, «возили всюду в длинномерных лимузинах и размещали в хороших отелях».

(Юрий Изюмов «Литературная газета» Москва, 2015)

Изюмов там возликовал:

– Я уверен, что в Америке у нашей газеты будет много друзей и помощников. Всем им сердечное спасибо.

В двух первых номерах «ЛГ»-американки Изюмов распорядился напечатать два интервью с обруганным ранее академиком Сахаровым, две статьи о сталинской травле поэтессы Ахматовой, очерк о сталинском убийстве создателя еврейского театра Михоэлса.

The Literary Gazette
Литературная Газета
INTERNATIONAL
Interview with People's deputy of the USSR, Academician Andrei SAKHAROV
The Worries of the Head of Government
NUCLEAR POWER PLANTS: THE RISK FACTOR
Первый номер нашего американского издания

«Литгазета», американизированная перевертышем Юрием Изюмовым.

Не появился, однако, третий номер американского детища Изюмова, так как его прогнали ЦКовцы из «Литгазеты» в 1990 году за то, что он не прекратил общаться с его бывшим боссом Виктором Гришиным, который весной 1985 года, будучи членом Политбюро ЦК КПСС, посоперничал с Горбачевым при назначении того генсеком ЦК.

Непотопляемый Изюмов, перманентный перевертыш, учредил на пенсии общественный «Комитет памяти Сталина» и провозгласил себя председателем. Призвал к организации «восстановительного съезда» КПСС, распущенной Горбачевым и Ельциным.

Спустя 30 лет после давнего скандала из-за загранпобега Битова, протеже Изюмова, и после смерти Битова от пьянства в 2003 году Изюмов заново объявил, что Битова «захватили» английские шпионы, «подвергли моральным истязаниям», но он геройски «вырвался из плена» и поблагодарил лично Изюмова «с огромной признательностью за все».

(Юрий Изюмов «Литературная газета», Москва, 2015)

… Сегодня в Москве некогда популярная чрезвычайно у интеллигенции шестимиллионная газета превратилась в карлика с жалким тиражом менее 15 тысяч. А редакция этой убогой «ЛГ» ютится в шести комнатенках старого дома вместе с десятком мелких контор городских торгашей в проулке Скарятинский.

Горбачевская «перестройка» лишила прежнюю «Литгазету» амплуа единственного Гайд-парка в московской прессе. Столичные «Московские новости», «Огонек», «Аргументы и факты» разразились буйными фонтанами антисоветчины. Соревноваться с этим уже было некому в «ЛГ». Почти все редакционные звезды «самой еврейской газеты» эмигрировали в Израиль и США. К 1998 году тираж газеты обвалился до 20 тысяч. Несбежавшие газетчики не получали зарплату по полгода.

Остатки банкротной «ЛГ» раскупили олигархи: овладели редакционной шестиэтажкой на Цветном бульваре, семиэтажным особняком на Костянском переулке, последним офисом газеты на Хохловском переулке. Теперь на Скарятинском не принадлежат нищенке «ЛГ» даже ее шесть тесных коморок.

«Литгазета» Чака, Сыра, ее собкора Андронова умерла. Sic transit gloria mundi.

Русофобы из Нью-Йорка

Когда в начале 90-х годов меня избрали народным депутатом Верховного Совета России и зампредом Комитета по международным делам ВС, то в числе разных журналистов-иностранцев в Москве, бравших у меня интервью по-английски, был и корреспондент газеты «Вашингтон Пост» Дэвид Ремник. Он теперь главный редактор престижного журнала The New Yorker с миллионным тиражом. И считается среди американских журналистов заглавным знатоком политической жизни России.

Незадолго до его визита ко мне в наш парламентский «Белый дом» в апреле 93-го я прочитал в «Нью-Йоркере» несколько глав из новейшей репортажной книги Ремника «Гробница Ленина. Последние дни советской империи». А затем приобрел и целиком это 570-страничное сочинение. За него впоследствии вознаградили Ремника в США почетной премией Пулитцера.

Сквозная тема «Гробницы Ленина» – многословные репортажи автора о том, как он повсюду в России выявлял «русских антисемитов». Ремник, правоверный иудей и прихожанин Хоральной синагоги в Москве, рапортует, что за пять лет своей работы в России обнаружил среди ее знаменитостей 79 якобы антисемитов! Больше всего в Союзе писателей России. Самые «антисемитные» – писатели Валентин Распутин, Василий Белов, Александр Проханов. Почему-то наиболее едко оклеветал заморский иудей Распутина: «Сибирский писатель Валентин Распутин – ненавистник евреев, фанатичный антисемит». (David Remnick “Lenin’s Tomb”, New York, 1993)

Присобачил Ремник к «антисемитам» и журналистские коллективы московских газет «Советская Россия», «Завтра», «Литературная Россия», журналов «Наш современник», «Молодая Гвардия», «Военно-исторический журнал».

Обозвал антисемитами политических деятелей Геннадия Зюганова, Александра Лебедя, Виктора Анпилова, Илью Константинова, Нину Андрееву, кинорежиссера Станислава Говорухина, художника Дмитрия Налбандяна и так далее…

Заподозрил в антисемитизме даже столичного банкира-еврея Михаила Смоленского за то, что тот подарил для позолоты куполов московского Храма Христа Спасителя 422 килограмма золота. Ремник высказал банкиру возмущение его поступком:

– Но ведь вы же еврей!

В Москве маниакальный охотник за русскими антисемитами запрезирал заодно с ними и российскую столицу:

«Когда мы с женой прибыли в Москву в январе 1988 года, погода была омерзительная: серое небо моросило жижей, вдоль тротуаров горбились кучи грязного снега. Старомодные автомобили плюхались, как бегемоты, по заболоченным улицам. Их передвижение в тумане еле различалось. Жизнь в России вообще медлительная. Снег и дождь…

Став жителем Октябрьского района, я счел резонным посетить людей, которые управляют этим местом. И я отправился к Октябрьскому райкому компартии в бетонной серой громаде. Там посреди холла старая женщина с ногами, обвязанными эластиковыми бинтами, полоскала пол грязной водой. Она пропускала одно и тоже пятно снова и снова. Удушливо пахло хлоркой, дрянным табаком и мокрой шерстью. Это был зимний запах России внутри ее домов. Это был запах женщины, стоящей перед тобой в очереди. Это был запах внутри каждого лифта. А здесь в

холле на вешалке чернели десятки мрачных пальто, испуская легкий пар, как мулы в стойле».

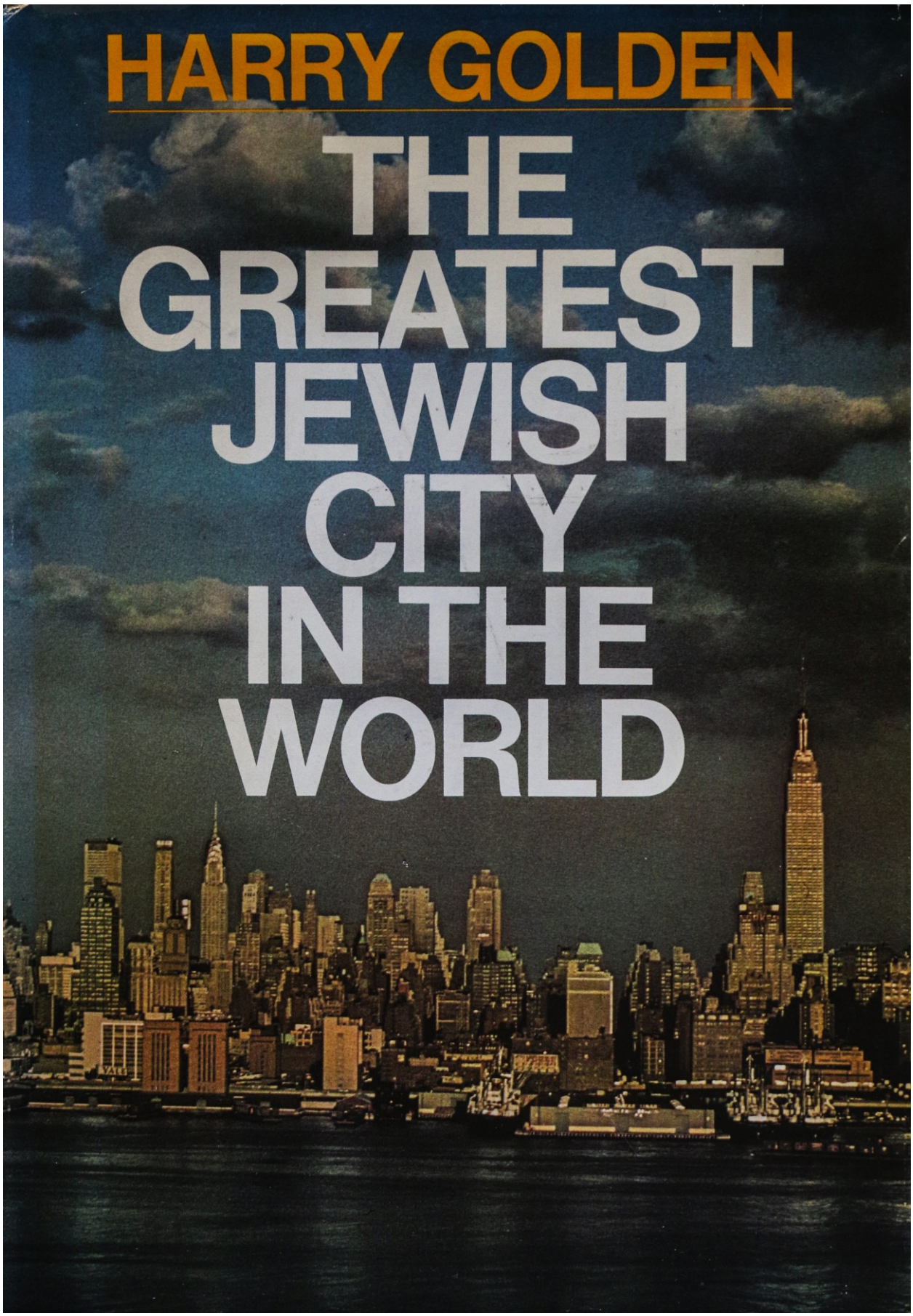
Но все же один раз Ремник обрел в Москве еврейское счастье:

«Летом 1996 года я оказался очевидцем счастливейшего события из всего, увиденного мною в Москве за долгое время. Новый Российский государственный гуманитарный университет во главе с трибуном эры перестройки Юрием Афанасьевым устроил торжественный выпуск студентов-дипломников кафедры еврейских исследований. Раньше этот университет был «Высшей партийной школой» для воспитания будущих коммунистических лидеров. Вместо того Афанасьев в 1991 году заручился поддержать его нового университета от двух наивысших еврейских образовательных центров в Нью-Йорке: Еврейской теологической семинарии и Института еврейских исследований.

И вот теперь я увидел, как научный директор Института еврейских исследований Аллан Надлер облачившись в мантию и кипу на макушке, поздравляет выпускников и их родственников. Он сказал:

– По всей России большинство евреев пока еще не иудеи, но сегодня эта страна уже вселяет большие надежды! Мы здесь свидетели чудесных исторических преобразований».

Под вечер 6 апреля 93-го Ремник вошел в мой служебный кабинет в «Белом доме». Я согласился на разговор с ним из любопытства: никогда раньше не встречался с подобным страстным американским русофобом, хотя проработал в США одиннадцать лет советским газетчиком. Объехал почти всю их страну, а мой корпункт был в Нью-Йорке, который его горожане верно именуют «Величайшим в мире еврейским городом».


HARRY GOLDEN
THE GREATEST JEWISH CITY IN THE WORLD

Никогда в Нью-Йорке не слышал я прежде каких-либо сплетен о русских антисемитах. Горжусь тем, что там дружили со мной звездные адвокаты Уилям Канстлер, Марк Лэйн, Уилям Шаап, популярный радиожурналист Барри Фабер, знаменитый раввин Бернард Мандельбаум, митинговый коммунист Майкл Меерсон, скульптор-эмигрант из СССР Эрнст Неизвестный.

Насчет антисемитизма удивил меня, однако, и мой визитер Ремник: он об этом не вымолвил ни слова на протяжении 40-минутного интервью. Выспрашивал только мое мнение российского парламентария об отношениях с его правительством. Я отвечал откровенно.

Ему поначалу не понравилось, что я записываю интервью с ним на портативный магнитофон Sony. Но смирился. В итоге поблагодарил за интервью:

– Thank you very much, Andronov.

Спустя два месяца Ремник удивил меня втройне: он вместо публикации интервью обругал меня хамски в «Нью-Йорк Таймс» 6 июня 1993 года. Его корреспонденция из Москвы под заголовком «Америка: ее любят или ненавидят» изобразила меня самым буйным в России ненавистником Соединенных Штатов. Цитирую Ремника бесцензурно:

«Иона Андронов, бывший в Нью-Йорке корреспондентом еженедельника «Литературная газета», является теперь одним из самых громких антиамериканских голосов в русском парламенте. Нет у Андронова ни малейшей склонности к либерализму. В эпоху Брежнева журналист Андронов был известен как наиболее злобный пропагандист против Запада по сравнению с другими советскими заграничными репортерами. Редкая уникальность! Он усердно и отважно рапортовал обо всем – от нищеты Нью-Йорка до прославления действий Кремля в Афганистане. Сейчас он, как законодатель, воюет еще хлеще.

Андронов сказал мне:

– Ныне Ельцин, как и хотел, стал уже новым русским почти диктатором. Народ пострадает от его диктатуры, и вы тоже пострадаете рано или поздно. Я не знаю, как долго будет он и дальше оставаться вашей марионеткой и обслуживать ваши интересы. Из-за него погибнет у русских сегодняшняя демократия. Появится новый диктатор и он не будет действовать в ваших интересах. Так уже случилось в Чили, где вы пособничали Пиночету. И в Иране, где вы свергли Моссадыка и помогли воцарению шаха.

Непримиримый Андронов – замаскированный оппортунист и циник, который поменял преданность марксизму на пристрастие к стальному национализму. И он такой отнюдь не одинок.

Один из лидеров либералов в парламенте Анатолий Шабад сказал:

- Андронов циничен, но он образец давнишней русской психологии. Русские всегда испытывали отстраненность от остального мира, особенно от Америки. В советские времена Америка была врагом. Некоторые у нас до сего дня так же думают».

(The New York Times Magazine, June 6, 1993)

Московский и впрямь супер-либерал Шабад знаменит телевизионно тем, что он в Кремле на съезде российских депутатов затеял 3 декабря 92-го кулачную драку с депутатом Иваном Шашвиашвили, бывшим шахтером из угледобычного Кемерова.

А я тогда оказался в трех шагах от драчуна. Шабад подскочил к здоровяку-шахтеру и принялся его бешено боксировать. Тот отпихнул «либерала», но Шабад продолжал колотилку, его шевелюра растрепалась и взмокла от пота, на распахнутых губах пенилась слюна, глаза обезумели…

Депутат-суперлиберал Анатолий Шабад (слева) кулачит депутата-шахтера Ивана Шашвиашвили на съезде в Кремле народных депутатов России 3 декабря 1992 года. (Фотоархив Ассошиэйтед Пресс)

В тот день Ельцин поручил депутатам-ельцинистам развалить парламент изнутри. На заседании 7-го съезда народных депутатов в Кремле самые ярые ельцинисты внезапно атаковали президиум съезда, вырвали микрофоны у членов президиума, прогнали спикера парламента.

Противники ельцинистов, включая меня, бросились защитить президиум съезда, окружили его, взявшись за руки, отогнали оттуда ельцинистов, усмирил их. В том числе Шабада. Они спустя год, как общеизвестно, одержали бронетанковый реванш.

Дэвид Ремник и его бронетанковый кремлевский приятель

Кровопролитный разгром российского парламента назвал Ремник восторженно Христовым «Воскрешением» в его второй русофобской книжке «Воскрешение. Борьба за новую Россию». И заново Ремник выискал у нас кучку уцелевших антисемитов. Наврал опять и обо мне:

«21 сентября 1993 года Верховный Совет возвел Руцкого в президенты и назначил новых своих министров-реакционеров, включая Владислава Ачалова в качестве министра обороны и Иону Андронова в качестве министра иностранных дел. Андронов в советскую пору служил в КГБ и нелегально действовал под видом зарубежного корреспондента».

(David Remnick “Resurrection. The struggle for a new Russia”,
New York, 1997)

Лживый русофоб Ремник, ныне главный редактор вроде бы респектабельного и крупнотиражного журнала The New Yorker, не скрывает – как возникла изначально у него ненависть к России:

«Мне повезло не жить в тех местах, в тех грязных деревеньках, где жили много лет назад мои два деда Алекс и Бен. Алекс под Вильно (теперь Вильнюс), Бен под Киевом. По счастью они оттуда сбежали, когда возникли слухи о предстоящих погромах. Они бежали из России на лошадях, на конных повозках, на корабле в Нью-Йорк.

Когда я сообщил столетнему Бену, что планирую пожить в Москве три-четыре года, он сказал:

– Ты спятил. Мы чуть не погибли, убегая оттуда, а ты, безумец, хочешь вернуться туда.

Семья моей жены еще больше встревожилась из-за нашей поездки в Москву. Симон, дед Эстер, был раввином. В 1940 году секретная полиция НКВД арестовала его в Литве и сослала на Урал. Там он пропал бесследно.

Его жену Ничам, дочь раввина, выслали с тремя детьми в Сибирь работать в колхозе. Все они после войны сумели уехать из России».

(David Remnick “Lenin’s Tomb. The last days of The Soviet Empire”, New York, 1993)

Вовсе не случайно ведущая газета американской столицы командировала в Москву молодого иудея с русофобной родословной.

С подобной родословной и одновременно с Ремником возглавлял в Москве бюро «Нью-Йорк Таймс» американский журналист Серж Шмеман. Его дед-богач в царской России лишился всего из-за революции большевиков,

примкнул к их врагам-белогвардейцам, вместе с ними все же спасся и скитался потом на чужбине. А его сын и внук обосновались благополучно в Нью-Йорке.

Внук-американец настолько воспылал местью даже к сегодняшней России, что и ее Православие ему ненавистно: «Церковь возрождает здесь ксенофобию, нетерпимость, антисемитизм».

(Serge Schmemann “Echoes of a Native Land”, New York, 1997)

И вот наконец-то в Москве собкор «Нью-Йорк Таймс» дождался вожделенного возмездия в октябре 1993 года:

«Москва, 4 октября. Сегодня танки и войска президента Бориса Ельцина с такой мощью сокрушили вооруженное восстание его противников, что их резиденция, именуемая «Белым домом», продырявлена пальбой и объята пламенем…

Москва. 5 октября. Сегодня, когда здание парламента еще догорает и оцеплено войсками, президент Ельцин подчинил себе все органы власти и запретил любую оппозицию ему. Он запретил своим указом оппозиционные организации и газеты. Они в основном коммунистические или националистские.

Военный разгром экстремальных коммунистов и фашистов получил широкую поддержку. Среди запрещенных газет – «День», которая пропагандировала агрессивный антисемитизм».

(Serge Schmemann. The New York Times, October 5,6. 1993)

Мои погибшие сотоварищи, защитники законного парламента, мы все для Шмемана – «экстремальные коммунисты, фашисты, антисемиты».

Незадолго до бронетанкового путча ельцинистов Шмеман вдобавок дважды в «Нью-Йорк Таймс» обозвал меня «бывшим оперативником КГБ».

(The New York Times, March 27, 30. 1993)

Впоследствии набрехал еще больше:

«Иона Андронов – отъявленный громила-писака из КГБ. Я обрадовался, когда в Италии отказались дать ему въездную визу для посещения там кинофестиваля из-за его связей с КГБ.

Год спустя Андронов преуспел на первых в России разнопартийных выборах народных депутатов страны. (Их разогнал танками Ельцин 4 октября 1993 года). Андронов под маской «демократа» был избран от туристического города Суздаль. Однако на съезде депутатов Андронов продемонстрировал каков он в действительности – злобно атаковал подлинного демократа Ельцина и любые инициативы примирения с Западом.

Во время жарких дебатов Андронов обратился к благородному диссиденту, бывшему многолетнему узнику-правозащитнику Сергею Ковалеву и прорычал: «Я тебя презираю!»

Говорящий свободно по-английски Андронов, всегда элегантный в твидовом пиджаке и с очками авиатора, стал, к сожалению, фаворитным комментатором среди репортеров американского телевидения».

(Serge Schmemann “Echoes of a Native Land” New York, 1997)

Вынужденный комментарий к бредням Шмемана: в Италии не отказали мне ни разу во въездной визе, когда там я занимался в 80-х годах репортерским

расследованием подоплеки покушения на Папу Римского. А кинофестивалями не интересуюсь.

В российский парламент был я избран от Владимирской области. где находится небольшой древний городок Суздаль, откуда никак невозможно поныне баллотироваться в парламент.

Никогда я не объявлял себя «демократом».

Никогда не общался с Сергеем Ковалевым и ничего не «прорычал» ему лично.

Не имею неких «очков авиатора». Очки у меня обыкновенные от близорукости. Российские. Так что могу отличить порядочных американцев от командированных сюда к нам журналюг-русофобов из Нью-Йорка. На таких нарвался трижды.

Третий – Тимоти Оллман, спецкор американского журнала The Vanity Fair («Ярмарка тщеславия») с миллионным тиражом ежемесячно.

Оллман прилетел из Нью-Йорка в Москву воинственной осенью 93-го и напросился дать ему интервью у меня дома спустя пару недель после кровавого госпереворота Ельцина. Фрагменты лже-интервью появились в декабрьском номере журнала в репортаже Оллмана.

Вместо сказанного мною в интервью Оллман нагло опубликовал его собственные вздорные враки. Например, по словам Оллмана, в осажденном войсками «баррикадном Белом доме» тоже «баррикадный депутат Иона Андронов, анти-ельцинист, орал на несогласную с ним москвичку: «Заткнись, сука!»

Более того, Оллман приписал мне его подлую клевету о блокадном «Белом доме»:

«Андронов сказал мне, что Белый дом внутри был подобен берлинскому бункеру Гитлера в конце второй мировой войны».

Накануне бронетанкового штурма «Белого дома» Оллман повидал в Москве уличные манифестации в защиту парламента:

«Перед Белым домом несколько тысяч демонстрантов обвиняли во всем Ельцина, американцев и евреев. Толпище оголтелых буянов».

Резюме Оллмана:

«К пяти часам вечера 4 октября, когда вожаки Белого дома капитулировали, в Москве погибли свыше 140 человек. Ответственность за смерть этих русских возложена на Ельцина. Но после моих разговоров с Андроновым и прочими реакционерами я выяснил причину трагедии: реакционеры решили запятнать кровью русскую демократию. Я также узнал, что предотвратить это пытался Ельцин и его силы».

(The Vanity Fair, New York, December 1993)

Ответное мое резюме: Тимоти Оллман подлец.

Ныне прошлые мои знакомства с русофобами из Нью-Йорка – это как бы мелкие инциденты по сравнению с современной пандемией русофобии в американской прессе и внешней политике.

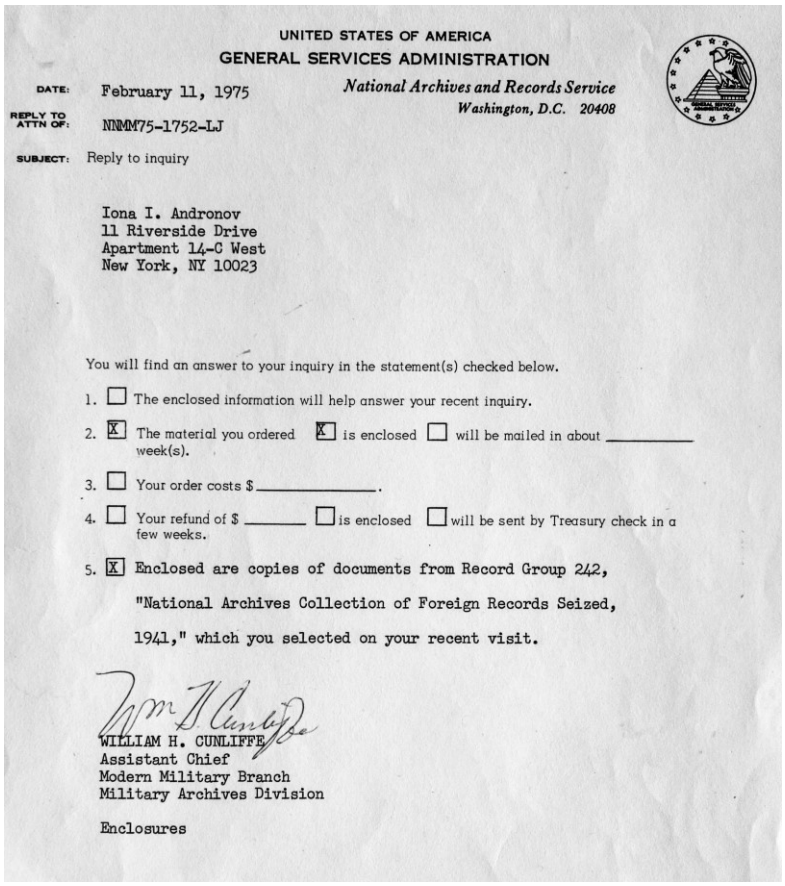
Столичные аферисты

Однажды в ноябре 1974 года в мою бытность советским газетчиком в США я посетил в Вашингтоне резиденцию государственного департамента на 22-й стрит и узнал там от начальника дипломатического архива Артура Когана, что они рассекретили недавно захваченные тридцать лет назад на исходе второй мировой войны трофейные документы за подписью гитлеровского рейхсканцлера Гиммлера о казни его советского пленника – артиллериста Якова Джугашвили, старшего сына Сталина.

Коган сказал, что досье Гиммлера уже передано в Национальный архив США, куда можно обратиться и попросить сделать для меня, журналиста, фотокопии всех документов о гибели сына Сталина.

Таким образом я получил вскоре служебную записку Гиммлера о расстреле сына Сталина в концлагере Заксенхаузен, рапорт о том же палачей СС «Мертвая голова», стенограмму предыдущего допроса пленного Якова Джугашвили, дипломатические секретные депеши властей США и Англии, решивших сообща в 1945 году утаить от Сталина трофейную документацию о казни сына. Всего 42 машинописные страницы.

Акт администрации Национального архива США 11 февраля 1975 года о выдаче Ионе Андронову по его запросу фотокопий трофейных документов германского рейха (Т-176):



UNITED STATES OF AMERICA
GENERAL SERVICES ADMINISTRATION
National Archives and Records Service
Washington, D.C. 20408

DATE: February 11, 1975
REPLY TO ATTN OF: NNMM75-1752-LJ
SUBJECT: Reply to inquiry

Iona I. Andronov
11 Riverside Drive
Apartment 14-C West
New York, NY 10023

You will find an answer to your inquiry in the statement(s) checked below.

1. ☐ The enclosed information will help answer your recent inquiry.
2. ☒ The material you ordered ☒ is enclosed ☐ will be mailed in about _____ week(s).
3. ☐ Your order costs $ _____.
4. ☐ Your refund of $ _____ ☐ is enclosed ☐ will be sent by Treasury check in a few weeks.
5. ☒ Enclosed are copies of documents from Record Group 242, "National Archives Collection of Foreign Records Seized, 1941," which you selected on your recent visit.

WILLIAM H. CUNLIFFE
Assistant Chief
Modern Military Branch
Military Archives Division

Enclosures

Мою документальную находку запретило опубликовать в Москве высшее руководство ЦК КПСС. Лишь четыре года спустя позволили грузинам

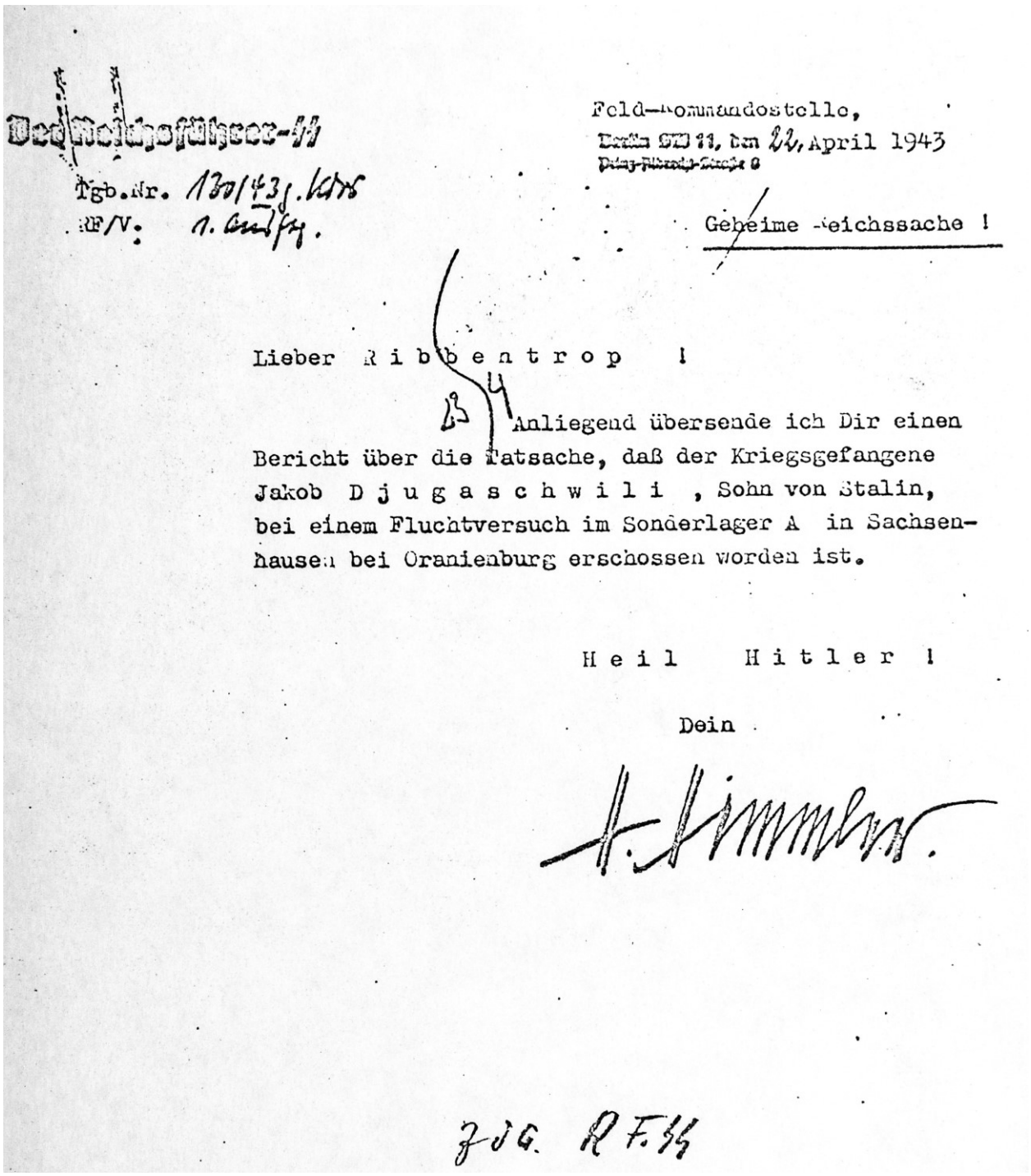
по их ходатайству напечатать в Тбилиси мой вашингтонский репортаж в мизерно тиражном журнальчике «Литературная Грузия».

А еще через 25 лет, когда возродилось у нас в России почти массовое почитание Сталина, мою грузинскую минипубликацию нагло присвоили себе телеканал НТВ, телеканал Звезда, несколько московских журналистов.

Порочивший ранее Сталина журнал «Огонек» объявил 7 июля 2002 года, что сын великого отца не был якобы в позорном плену, а геройски погиб в бою. И потому трофейное досье Гиммлера будто бы фальшивка.

Даже поныне вульгарный таблоид под лживым названием «Комсомольская правда» и телевизионщики Первого канала преумножают голословные домыслы разных неосталинистов о том, что Яков Джугашвили не очутился в постыдном для них плену и не посрамил тем самым Сталина, который в первый день той войны 22 июня 1941 года отправил сына на фронт: «Иди и сражайся!»

Отвечаю на все это в целом документально наглядно:



Der Reichsführer-SS

Tgb.Nr. 130/43 g. Kdos

RF/V: 1. Ausfg.

Feld-Kommandostelle,
~~Berlin SW 11, den~~ 22. April 1943
~~Prinz-Albrecht-Straße 8~~

Geheime Reichssache !

Lieber R i b b e n t r o p !

Anliegend übersende ich Dir einen Bericht über die Tatsache, daß der Kriegsgefangene Jakob D j u g a s c h w i l i , Sohn von Stalin, bei einem Fluchtversuch im Sonderlager A in Sachsenhausen bei Oranienburg erschossen worden ist.

H e i l H i t l e r !

Dein

H. Himmler.

Z.d.G. RF.SS

Депеша министра безопасности рейха Генриха Гиммлера министру иностранных дел Иоахиму Риббентропу от 22 апреля 1943 года:

Совершенно секретно!

Дорогой Риббентроп!

Посылаю вам раппорт об обстоятельствах, при которых военнопленный Яков Джугашвили, сын Сталина, был застрелен при попытке бегства из особого блока А в Заксенхаузене близ Ораниенбурга.

Хайль Гитлер!

Ваш Гиммлер

Рапорт СС о медосмотре трупа Якова Джугашвили:

Abschrift

Der Truppenarzt des SS-T-Wachbtl.Sh. Oranienburg, den 15.4.43.
Oranienburg
Az.: 14 f 3 / 4.43/ Dr.Kr./ Du.

Betr.: Tod eines Inhaftierten durch Schußverletzung.
Bezug: Ohne.
Anlg.: Keine.

An die
Kommandantur des Konz.-Lagers Sachsenhausen
Oranienburg

Bei dem am 14.4.43 besichtigten Inhaftierten stellte ich den Tod durch Kopfschuß fest.
Die erbsengrosse Einschußöffnung befindet sich etwa 4 cm vom re. Ohr entfernt, knapp unterhalb des re. Jochbogens. Mittelpunkt der Ausschußöffnung in der Mitte des linken Scheitelbeines. Es besteht eine ungefähr kleinhandtellergroße Zertrümmerung des Schädelknochens mit Austritt von Gehirnteilen. Der Tod muß durch diese Schußverletzung sofort eingetreten sein.
Vermutliche Todesursache: Verletzung von Hirnstamm und Großhirn.

Der Truppenarzt des SS-T-Wachbtl.Sh.
Oranienburg

gez. Unterschrift
SS- Untersturmführer

Reichskriminalpolizeiamt Berlin 15

Beglaubigt
Loos
Büroangestellte

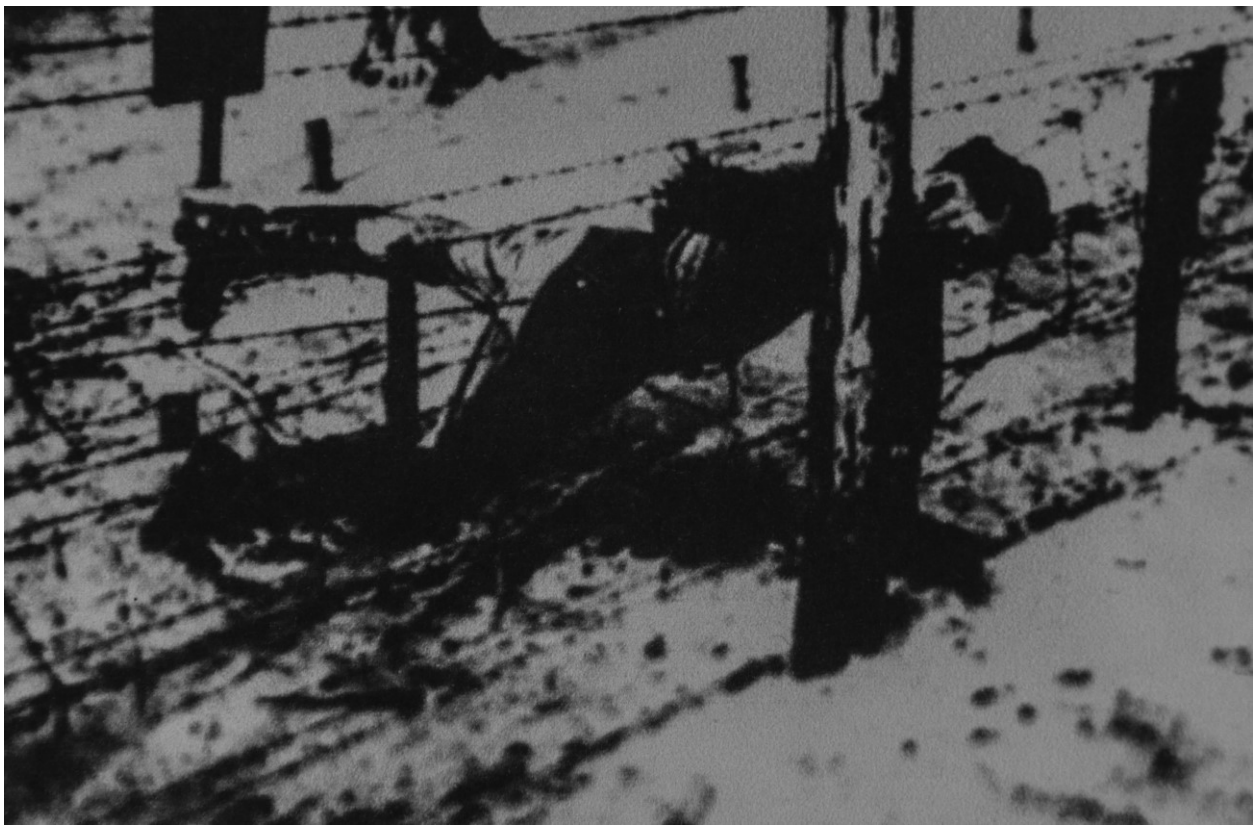
Рапорт медика охраны концлагеря Заксенхаузен батальоном СС «Мертвая голова» от 14 апреля 1943 года о расстреле Якова Джугашвили:

«14 апреля 1943 года, когда я осмотрел данного пленного, я констатировал смерть от выстрела в голову. Входное полевое отверстие расположено в 4-х сантиметрах ниже уха сразу же под скуловой дугой. Смерть должна была наступить немедленно после этого выстрела. Очевидная причина смерти: разрушение нижней части мозга».

По месту пулевой пробоины в голове Якова Джугашвили нетрудно догадаться, что выстрел был сделан сзади его спины или сбоку. Это стандартный метод убийства из пистолета обреченного на расстрел. При гипотетичной попытке побега узника из концлагеря постовой охранник с винтовкой прошиб бы дистанционно поверхность черепа жертвы или спину.

Вообще побег в концлагере Заксенхаузен из «блока А» был абсолютно невозможен. Якова Джугашвили содержали изолированно в спецбараке за кирпичной стеной и внутренней оградой колючей проволоки под электротоком высокого напряжения. Да вдобавок стражники СС.

Тем не менее, в досье Гиммлера вложен ради как бы доказательства «попытки бегства» фотоснимок трупа мужчины, лежащего на электро-проволоке. Но ведь в рапорте концлагерного медика СС нет ни слова об ожогах током на теле убитого. Да и сам Гиммлер документально зафиксировал, что сын Сталина «был застрелен».



Логичный вывод: эсэсовцы расстреляли Якова Джугашвили 14 апреля 1943 года, сразу составили медсправку о его смерти и только затем уложили труп на электроколючку и сфотографировали по заказу начальства. Тогда же труп срочно сожгли в крематории концлагеря.

Обманная маскировка убийства сына Сталина понадобилась Гиммлеру в ту пору, вероятно, потому, что у него возникли недобрые предчувствия после Сталинградской битвы, предвестившей дальнейший разгром гитлеровской Германии.

К тому времени военнопленный Яков Джугашвили утратил политическую ценность для Гиммлера и Гитлера. Сперва, вслед за его пленением летом 1941 года, германские самолеты засыпали отступавшие советские войска сотнями листовок с призывом сдаться в плен, как сын Сталина. Но он в действительности не сдался, а был захвачен силком при гибели его дивизии возле белорусского Витебска. После чего гитлеровцы постарались вынудить Джугашвили стать их сообщником. Безуспешно.

19 июля 1941 года доставили старшего лейтенанта Джугашвили в штаб-квартиру фельдмаршала вермахта фон Бока для допроса русскоязычным офицером военной разведки Абвер капитаном Вилфридом Штрик-Штрикфельдтом. Ему приказали свыше выявить любым способом среди пленных советских военачальников склонного к измене и от его имени развернуть агитацию в концлагерях военнопленных за переход на службу вермахту. Этого добился Штрик-Штрикфельдт только спустя год – осенью 1942 года, когда он завербовал сдавшегося в плен генерала-предателя Власова и потом руководил им до конца войны.

Как ранее этот немец попробовал завербовать сына Сталина, рассказал Штрик-Штрикфельдт через 30 лет:

«Однажды в наш фронтовой штаб был доставлен советский офицер Яков Джугашвили. Держался он спокойно. Он сказал, что отец простился с ним по телефону перед отправкой на фронт. Он заявил, что верит в будущую победу пролетарской революции во всем мире. Он не верил в возможность компромисса между капитализмом и коммунизмом. Джугашвили назвал бандитизмом нападение немцев на Советский Союз. Он не верил в конечную победу Германии.

– Вы смотрите на нас свысока, – сказал он, – как на примитивных туземцев какого-нибудь тихоокеанского острова. Я же за короткое время моего пленения не увидел ничего, что побудило бы меня смотреть на вас снизу вверх.

– Итак, вы сказали, что не верите в победу Германии?

– Нет, не верю, – ответил он».

(Wilfried Strik-Strikfeldt “Against Stalin and Hitler”, New York, 1973).

Последствие допроса: непокорного пленника мордовали почти два года в концлагерях Любек, Хаммельбург, Заксенхаузен и расстреляли.

Он был еще жив, когда в начале 1943 года дипломаты нейтрального Международного Красного Креста негласно предложили Сталину свое посредничество для обмена сына на пленника Красной армии в Сталинграде фельдмаршала Паулюса и его штабистов-генералов. Как общеизвестно, Сталин отказался, сочтя неприемлемым для себя высвободить лишь собственного сына при наличии во вражеском плену множества красноармейцев.

Вся документация о плене Якова Джугашвили была опубликована более подробно в 2011 году в моей мемуарной книжке:

В 1967 году Светлана Аллилуева, дочь Сталина, поведала в ее мемуарной книге «Двадцать писем к другу»:

«Летом 1945 года, после победы, отец сказал о Яше: «Яшу расстреляли немцы»… Ему было тяжко, он не хотел долго задерживаться на этой теме».

Но вот вдруг возник в наши дни громкий телеэкранно опровергатель известного Сталину о расстреле его сына. Сей телегромовержец вовсе не крупный историк, не ученый-архивист, не авторитетный знаток политической хроники прошлой Отечественной войны. Он всего лишь телевизионщик-технарь первоначально и ныне медиамагнат-мультимиллионер да еще модный теперь ультра-патриот по имени Алексей Пиманов. Телевещает, что не был в плену Яков Джугашвили, погиб, а трофейные документы СС в Национальном архиве США фальшивые.

Сейчас Пиманов владеет и руководит телеканалом Звезда. Он заделался на Звезде главным сталиноведом. Демонстрирует свой сериал «Сталин. Трагедия семьи». Под тем же заголовком издал книжку с собственным цветным большим портретом на обложке. Телесерию о Якове Джугашвили озаглавил «Яков Сталин. Голгофа». Хотя сын Сталина имел фамилию Джугашвили. И не был никак подобен распятому Христу.

Пиманов вымыслил, что в плену у гитлеровцев якобы актерствовал некий двойник Якова Джугашвили:

– Был, видимо, человек, выдававший себя за старшего сына Сталина. Яков сгинул на войне, невольно оказавшись в центре самой громкой провокации против отца. Все наши подозрения о том, что мы имеем дело с одной из самых успешных операций Абвера (немецкой военной разведки) против лично Сталина, получили веские подтверждения.

Какие «веские подтверждения»? Ни единого документа или хотя бы «веского» устного свидетельства не огласил Пиманов. Только сообщил, что его информировала «Федеральная служба охраны, люди, курирующие нас».

Конкретно курировал на федеральном телевещании таких, как Пиманов, майор госбезопасности Александр Петрович Комельков, кадровик, глава 1-го спецотдела телецентра Останкино.

Майор Комельков – ветеран шпионажного надзора в Останкино за всеми телевизионщиками. Вначале он еще в советские времена обслуживал так называемое «идеологическое» Пятое управление КГБ: слежка за творческой интеллигенцией, укрощение диссидентов, агентурная вербовка запуганных и слабовольных интеллектуалов.

Тем же самым продолжил Комельков заниматься после роспуска КГБ при власти Ельцина и переподчинения Комелькова новой Федеральной службе охраны, сформированной из прежних кадров КГБ, рекрутированных кремлевским фаворитом Ельцина и его личным телохранителем Александром Коржаковым, главой Службы безопасности президента.

Генерал Коржаков, бывший офицер КГБ, сделал доверительно Комелькова своим конфиденциальным «смотрящим» за сотрудниками телецентра Останкино. По рекомендациям Комелькова царедворец Ельцина назначал в телецентре угодных персон на руководящие должности вплоть до управителя того или иного федерального канала. В частности, заурядный техналадчик телекамер операторов Пиманов превратился чудотворно в политфлюгерного телережиссера и вместе с тем вроде бы телезаступника за самых бесправных бедолаг-жалобщиков.

Спустя четыре года после президентства Ельцина и отставки еще до того Коржакова путинский министр обороны Сергей Шойгу учредил телеканал Звезда и назначил Пиманова нынешним генеральным директором телеканала.

Сегодня телезвездный сталиновед, изобретатель германского двойника Якова Джугашвили, аргументирует свою гипотезу единственным как бы доказательством:

– Сохранилось несколько воспоминаний тех, кто жил с Яковом в одном бараке и в «Любеке» и в «Хоммельбурге», и в последнем месте пребывания Джугашвили – в особом лагере «А» в Заксенхаузене. Но дело в том, что никто из этих людей не знал и не видел Якова до войны. Похоже, что мы имеем дело с одной из самых изощренных операций немецких спецслужб. Они держали в напряжении Сталина.

Похоже также, что телевизионный биограф Сталина игнорирует умышленно до сих пор опубликованное мною в 1978 году в Тбилиси и заново в Москве книжно в 2011 году интервью с экс-капитаном Красной армии Александром Константиновичем Ужинским. Он, попав в плен, был узником концлагеря Хаммельбург, как и Яков Джугашвили. Воспроизвожу сокращенно рассказанное мне москвичом Ужинским у него дома 6 мая 1970 года:

«Я уже находился в концлагере Хаммельбург, когда туда весной 1942 года доставили Якова Джугашвили. Я знал его в лицо, потому что до войны, обучаясь в Москве в военно-инженерной академии, ходил на занятия физкультурой в спортивный зал академии имени Дзержинского и не раз встречал там Джугашвили. С той поры он сильно изменился: лицо исхудало, почернело, взгляд глубоко запавших глаз стал тяжел и мрачен. Он был одет в истрепанную шинель и рваную гимнастерку. На голове – советская армейская пилотка. На ногах – башмаки с деревянными подошвами.

Я видел, как к нему подошел один из лагерных охранников, держа в руках банку с краской и кисть, и начертил у него на груди буквы SU (Soviet Union). Такие метки всем нам ставили на груди и на спине. А Якову Иосифовичу – и на груди, и на спине, и на брюках, на рукавах, на плечах и даже на пилотке! Пока охранник махал кистью, Джугашвили обернулся к толпившимся рядом пленным офицерам и крикнул:

– Пусть малюет! Советский Союз – такая надпись делает мне честь. Я горжусь этим!

Эти слова произвели большое впечатление. Мужественное поведение Якова Иосифовича мы, конечно, горячо одобряли. А сохранить твердость духа было тогда непросто. Каждый день из наших бараков выносили товарищей, умерших от истощения и болезней. И каждое утро эсэсовцы, выстроив нас на плацу, выводили из рядов свои очередные жертвы. Их под дулами автоматов вывозили из лагеря. Мы знали, что этих офицеров никогда больше не увидим…

Я общался с Яковом Иосифовичем и довольно близко сошелся с ним. Через месяц его увезли в неизвестном направлении. О его участи до конца войны я ничего не знал».

В феврале 2017 года корреспондентка телеканала Звезда по имени Марина Крохмаль попросила меня рассказать их телезрителям о собранных мною посмертных документах об Якове Джугашвили и предоставить телеканалу для пересъемки и демонстрации. Я согласился, подумав, что хозяин Звезды наконец-то решил дать слово его малоизвестному оппоненту и доказать публично свою правоту.

Отдал Крохмаль, как оказалось потом беспечно, все документы досье Гиммлера, семь страниц моей записи интервью с капитаном Ужинским, рассекреченную дипломатическую переписку властей США и Англии в 1945 году о сокрытии от Сталина трофейных улик убийства гитлеровцами его сына. Всего предоставил Звезде 97 страниц документации и мой книжный текст 2011 года «Как погиб сын Сталина».

Вечером 14 марта 2017 года телеканал Звезда показал 40-минутный докфильм продюсера Алексея Пиманова «Улика из прошлого. Смерть Якова Сталина». Сценарист – Марина Крохмаль. В амплуа ведущего – друг

Пиманова актер Олег Масленников-Войтов. Он повторил козырной тезис Пиманова о некоем двойнике Якова Джугашвили в германском плену:

– Есть воспоминания людей, которые находились с Яковом в плену. Но те люди ведь никогда не видели Якова до войны.

Лицедей игнорировал полученные Звездой от меня воспоминания Ужинского о довоенном знакомстве в Москве с Яковом Джугашвили.

Зато трофейные документы СС из вашингтонского госархива цитировал актер много раз, изображая их добытыми пимановцами будто самостоятельно. Масленников-Войтов подскакивал к свисавшей с потолка телестудии кишке пневмопочты, вытаскивал оттуда бумажный листок очередного документа досье Гиммлера уже на русском языке и декламировал театрально текстовку.

Таким же трюком он оглашал по-русски дипломатические депеши властей США и Англии. Плагиатно пересказывал отрывки из моей книжной публикации о гибели сына Сталина. Нахаленок изображал даже Сталина, манипулируя копией его легендарной табачной трубки.

В конце телефильма артистичный пимановец пафосно подытожил:

– Нам удалось докопаться до главной истины. Ясно одно: Яков Джугашвили погиб, сражаясь за Родину!

То есть погиб геройски не в плену. Ура!

Дважды в 2017 году я изобличал в сетевом Твиттере плагиатора и фальсификатора отечественной истории Пиманова, гендиректора Звезды, в обмане телезрителей. Однако он оборзел настолько, что с тех дней и поныне экранизирует периодически на Звезде свой фальшак о старшем сыне Сталина. Бестревожно. Потому что у него очень влиятельные кураторы и покровители среди правящих верхов.

Между тем есть в Москве на федеральных телеканалах матерые обманщики телезрителей и похлеще Пиманова. Это я самолично обнаружил в

том же 2017 году. Тогда под вечер 23 августа я включил домашний телевизор и увидел изумленно на экране афериста Гришку Винникова – давнего знакомца в Нью-Йорке тридцать лет назад.

Теперь же Гришка в телестудии госканала НТВ патетично разглагольствовал о вашингтонской и московской дипломатии. Чуть ниже жирной физиономии Гришки на экране была о нем надпись «Грэг Вайнер, общественный деятель США». Ведущий ток-шоу Андрей Норкин именовал Гришку почтительно Грэгом, поддакивал ему, улыбался, весело рассказал еврейский анекдот и добавил:

– Мы с Грэгом, ха-ха, одной нацпринадлежности.

Все же Норкин как бы неприязненно попрекнул американского соплеменника:

– Скажите, Грэг, когда же, наконец, Соединенные Штаты извинятся за геноцид ихних индейцев?

Гришка ухмыльнулся:

– Не раньше, чем возникнет вновь Иона Андронов.

Дело в том, что в Нью-Йорке предприимчивый эмигрант Гришка Винников создал в 80-х годах крохотную студию телевещания на русском языке для других тамошних эмигрантов из нашей страны «по еврейской линии» и попросил меня рассказать бывшим согражданам о работе московского газетчика в США.

Вскоре, впрочем, телебизнес Гришки обанкротился из-за отсутствия богатых рекламодателей. Пришлось ему торговать оправами для очков в квартале эмигрантов по прозвищу Маленькая Одесса, работать продавцом в местном магазинчике.

Когда в СССР произошла горбачевская «перестройка», Гришка ухитрился наладить деловые контакты с советским генконсульством в Нью-

Йорке и открыть посредническую контору для выдачи за доллары ностальгирующим эмигрантам советских въездных виз, авиабилетов Аэрофлота и оформления желающим утраченных советских пенсий и паспортов.

Расценки его услуг были дорогостоящими по тем временам. За срочную визу в Россию – 650 долларов. За возобновление паспорта – 600 долларов. За групповую визу – 10 тысяч долларов. Таким методом он авансировал у клиентов в Нью-Йорке миллион долларов… и исчез из США! Вынырнул вор прилюдно в начале 2017 года на Первом госканале под лейблом «Грэг Вайнер, журналист США» в ток-шоу Артема Шейнина.

Тогда же откликнулись в Интернете из Нью-Йорка знакомые с Гришкой эмигранты-журналисты Александр Грант, Геннадий Кац и Сева Каплан, у которого Гришка выманил 10 тысяч долларов. Они сообщили, что Гришка «известный аферист», о чем знает американская прокуратура.

Далее московская газета «Новые Известия», процитировав разоблачителей Гришки в Нью-Йорке, уведомила российских читателей:

«Григорий Винников, он же Грэг Вайнер – мошенник, которого разыскивает весь русскоязычный Нью-Йорк, чтобы набить ему личико. Он исчез из Нью-Йорка с многими тысячами долларов, взятых у своих клиентов в основном преклонного возраста. Жертвами этого негодяя оказались сотни людей».

(«Новые Известия», 18.10.2017)

Однако в Москве уже вовсю задействовал беспрерывный конвейер множества антреприз Гришки-Грэга на госканалах НТВ, Звезда, Первом, Россия-1, ТВЦ.

Российские теле-гастроли шулера из американской Маленькой Одессы продлились два с половиной года. Столь долговременную 30-месячную

пропаганду однотемной лжи не смог сварганить даже ее прежний непревзойденный чемпион Геббельс.

Почему же колоссальное мошенничество оказалось совершенно безнаказанным? Ответ отчасти подсказал сетевой «Живой журнал» 27 апреля 2017 года: «Мошенник Гришка наверняка имеет крышу в лице ФСБ».

Гришка до эмиграции был мелким фарцовщиком, то бишь нелегальным скупщиком импортных шмоток у интуристов для перепродажи советским модникам втридорога. Под угрозой ареста его, вероятно, завербовали в сексоты. Заурядный случай.

Звездная телекарьера Гришки-Грэга экранно завершилась в ток-шоу «Кто против?» на канале Россия-1 внезапным мордобоем 20 ноября 2019 года. В тот вечер лже-американка крикливо повздорил с участником шоу Василем Вакаровым, политологом-скандалистом, который так сильно отметелил спорщика с ним, что несчастный Гришка рухнул на пол и треснулся головой о стенку студии. Его уволокли оттуда вызванные санитары. Получил, очевидно, сотрясение мозга.

Вот кто именно обманывал злостно на протяжении двух с половиной лет тысячи российских телезрителей, выдавая беглого из Нью-Йорка афериста Гришку Винникова за некоего американца Грэга Вайнера:

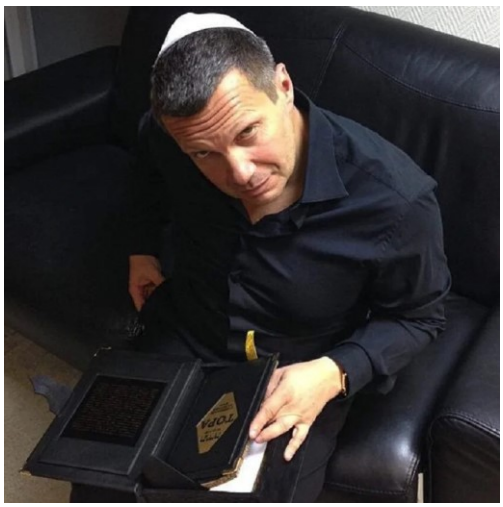
Андрей Норкин, ведущий ток-шоу «Место встречи», телеканал НТВ.

Ольга Белова, ведущая ток-шоу «Место встречи», НТВ.

Роман Бабаян, ведущий ток-шоу «Право голоса», ТВЦ.

Надана Фридрихсон, ведущая ток-шоу «Процесс», Звезда.

Артем Шейнин, ведущий ток-шоу «Первая студия», Первый госканал.



Владимир Соловьев, ведущий ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым», Россия-1.

Дмитрий Куликов, ведущий ток-шоу «Кто против?», Россия-1 и ток-шоу «Право знать», ТВЦ.

Алексей Гудошников, ведущий ток-шоу «Особая статья», Звезда.

Известный столичный публицист Леонид Радзиховский, западник, антирусофил, гордящийся публично своим еврейством, был в 90-е годы политическим обозревателем федерального телевещания, но критикует его нынче брезгливо:

– С омерзением отношусь к сегодняшним шоуменам на ТВ. Это наемные проститутки, – но очень трудолюбивые, в определенной степени одаренные и фанатично любящие свою работу проститутки – трудоголики, которым приятно торговать собой за большие деньги. Знаю телекухню не понаслышке. Это люди, разжигающие низменные эмоции у миллионов и получающие за это миллионы…. Спросите обычного человека, и он скажет, что его достала бесконечная брехня по ТВ.

(«Литературная газета», 3-9 июля 2019 г.)

Уже несколько лет я не включаю зомби-ящик. Так же поступают многие знакомые мне москвичи. Преимущественно молодежь.

-- * --

Мой ровесник и тоже выживший чудом ленинградский блокадник Александр Городницкий, геофизик и первый советский бард-гитарист, спел в далеком 1967 году свой знаменитый куплет:

– Врачуют меня врачи,
Кроят из меня Иуду.
И мне говорят: «Молчи!»
А я говорю: «Не буду!»

10 июня 2023 г.

Иона Андронов